

International

Literary

magazine

Толя ДИКИЙ ОТ СУМЫ И ОТ ТЮРЬМЫ...

Толя
ДИКИЙ

ОТ СУМЫ
И ОТ ТЮРЬМЫ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Толя
ДИКИЙ

ОТ СУМЫ
И ОТ ТЮРЬМЫ...

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(477)-34

Д45

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»

Заснована у 2023 році

Дикий А.

Д45 От сумы и от тюрьмы... / А. Дикий — Друкарський двір
Олега Федорова 2024 — 152 с.

ISBN 978-617-8477-25-7

В книге Анатолия Дикого «От сумы и от тюрьмы...» описаны четыре истории жизни самых разных людей, которых, пожалуй, объединяет только одно — у них была очень тяжелая жизнь, и им приходилось сталкиваться с ужасающей нищетой и социальной несправедливостью. Несмотря на все житейские сложности, эти простые люди приходили по-своему к общечеловеческим ценностям. Каким? Об этом читатель сможет узнать, ознакомившись с их жизненными историями. О них они поведали сами или рассказали автору этой книги.

УДК 821.161.1'06(477)-34

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК) © Дикий А., 2024

ISBN 978-617-8477-25-7

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

ОТ АВТОРА

Много лет назад я стоял возле больницы и видел людей, которые еле-еле передвигались под тяжестью немощи или болезни. Одни шли и тянули ногу после инсульта. Другие ощутили на себе последствия инфаркта или рака. Позже у меня была возможность также много общаться с теми, кому довелось коротать годы в местах лишения свободы. Поэтому мне очень захотелось передать, хотя бы в мизерной мере, их мысли и чувства, с которыми они поделились со мной. Их жизненные истории не могли меня не взволновать, показывая пути разных людей, которые испытали на себе правдивость слов пословицы «от тюрьмы и от тюрьмы не зарекайся».

Как известно, вся жизнь человека состоит из символических подъёмов и спадов. И неизвестно, что более всего может содействовать его духовному становлению — одно или другое. Вопрос в том, что именно человек способен вынести для себя из пребывания в местах лишения свободы или на пике успеха? Также все знают, что человек рождается дважды — биологически и духовно, и умирает дважды — сначала духовно, а после физически. Да, если внешне мы изменяемся, то внутренне всегда способны до бесконечности обновляться.

Когда-то и я был замкнутым, застенчивым юношей, но после познакомился с сотнями, тысячами людей. Поэтому в метро или на улицах всегда встречал кого-то знакомого. Но прошли десятилетия и, возвратясь в родные места, уже понимаю, что не узнаю их по внешнему виду. Надо общаться. Почему говорю об общении?

Тёща моего школьного друга рассказывала, что она и её одноклассницы учились в киевской средней школе. В связи с войной выпуск состоялся чуть раньше, в конце июня 1941 года. Прошло время и бывшие одноклассники решили организовать встречу после сорокалетнего расставания. И когда

они встречались, то вначале говорили: «Как ты изменился? Или как ты изменилась?». Но после короткого общения звучала самая популярная фраза: «Да ты совсем не изменился! Да ты совсем не изменилась!».

Но что побуждает человека меняться внутренне? Поэзия или какая-нибудь профессиональная деятельность? Не думаю. В юности некоторые из моих знакомых были старше меня и немало лет отсидели в тюрьмах и колониях. Они были очень начитаны и цитировали произведения многих классиков, но, к сожалению, такие знания не сделали их лучшими людьми. Так что же делает человека Человеком? Во все времена это был Бог.

Вместе с тем, мы живём в такое время, когда многим людям, как они говорят, «явно не до Бога». Так зачем же нужно было писать эту книгу, если теперь другая эпоха и «глаголом жечь сердца людей» навряд ли удастся? Наверное, для того, чтобы читатель, прочитав то или другое, почувствовал, что у него что-то затеплилось внутри и ему не захочется брать в руки фомку и идти вскрывать какой-то амбар, где к тому же пыльно, да и разболелся не на шутку запущенный радикулит. Но он сделает это в другой раз. Вот и пишу ради того другого раза или вообще ради того, чтобы его вовсе не было.

Сейчас мало кто знает, что такое фомка, а тем более никто уже не ходит с ней. Изменилось время, а технологии позволяют получать значительно больше материального совсем другими методами и более утонченными способами. При этом суть остаётся сутью.

В этой книге собраны четыре истории из жизни разных людей, две из них они написали сами и дали согласие на их опубликование.

Итак, незримые символические подъёмы и спады... Где они в нашей жизни? Свобода — она внутри нас и не зависит от внешних обстоятельств. Именно к такой свободе и нужно стремиться, нужно, прилагая немалые усилия, идти. Давайте пойдём вместе, хорошо?

I

О двух вещах прошу тебя,
Не отказывай мне в них, пока я жив:
Удали от меня неправду и ложь
И не давай мне ни бедности, ни богатства.
Дай мне столько пищи, сколько нужно,
Чтобы я не пресытился, не отрёкся от тебя
и не сказал: «Кто такой Иегова?»
И не допусти, чтобы я обеднел и стал красть,
позоря имя моего Бога.
(Притчи 30:7–9, Перевод Библии «Новый мир»)

МОИ РОДИТЕЛИ

Это история жизни моих родителей, преимущественно мамы. Почему матери, а не отца? Вспомнил слова одного умершего мужчины, который сказал: «Недавно я похоронил отца и мать. Жаль, конечно, их. Но только после смерти матери, я прочувствовал, как что-то оборвалось во мне, оборвалась какая-то невидимая нить, связывающая меня с моими предками, с моим родом. Понял, что теперь остался я один и что уже настает очередь уходить и мне».

Мои родители умерли, когда я был в местах лишения свободы. Возможно, именно поэтому не могу сказать, что у меня возникали подобные чувства, но в тюрьмах намного чаще вспоминают о матери, нежели об отце. Осуждённые понимают, что их более всего может жалеть и ждать их мать.

Вот и я решил сначала написать о жизни моей мамы, и, возможно, вы также поймете почему.

Однако перед тем, как начать описывать её историю, не могу не рассказать случай, очевидцем которого оказался и я.

Разговор в морге

Лет 15 тому назад в Львове возле морга больницы скорой помощи встретились две женщины. Они разговорились. Одна из них бизнес-леди сказала моей знакомой Гале: «Странно как-то получилось. Приехала заби-

рать маму и чувствую, что я совсем её не знала. Я была всегда занята собой, а теперь очень жалею и понимаю, что я многого себя лишила, многое потеряла».

Галя ей ответила: «А я обсудила с мамой все вопросы. Мы сами из села под Львовом, и когда маму парализовало, она потеряла способность ходить и говорить. Никто из моих братьев и сестёр не мог позаботиться о ней. Я посоветовалась с мужем, и мы взяли маму к себе, в маленькую однокомнатную квартиру в общежитии. Конечно, нам было явно тесновато, но зато я смогла ухаживать за мамой и обсудить с ней все жизненно важные вопросы».

Дальше между опечаленными женщинами состоялась такой разговор.

— А как вам это удалось?

— Мама не могла говорить, но все слышала. Поэтому я частенько подсаживалась к ней, и мы общались. Я говорила: «Мамочка, я очень тебя люблю и ценю всё, что ты для меня сделала. Ты не можешь говорить, но мы можем разговаривать. Если ты согласна и тебе не трудно, то моргни, пожалуйста. Ты можешь закрыть глаза, а после их открыть. Хорошо? Мама моргнула.

Сейчас я очень хочу поговорить с тобой о самом главном. У тебя есть возможность выслушать? Мама моргнула. Мамочка, к сожалению, у каждого человека наступает момент, когда приходится прощаться с самыми близкими людьми. Я говорю о смерти. Но знаю, что ты веришь в Бога и веришь в Иисуса Христа. Мама моргнула. Как ты знаешь, мы умираем за грех наших прародителей, за грех Адама и Евы. Мама моргнула. Смерть — это, как сон. Человек засыпает и ему совсем не больно. Ты веришь в это? Мама моргнула. Не бойся, я буду с тобой в последний момент твоей жизни, перед твоим засыпанием. Мама моргнула. Но люди должны, как и после

всякого сна, пробудиться? Другими словами, люди воскреснут к новой жизни? Ты веришь в это? Мама моргнула. И когда ты проснешься после сна, знаешь, кто тебя будет встречать? Мама внимательно посмотрела на меня. Тебя буду встречать я вместе со своим мужем и нашими детьми, твоими многочисленными внуками и правнуками. И мы начнем жить совсем по-другому. Мы будем молоды и здоровы. Ты веришь в это? Мама моргнула».

А после, обращаясь к собеседнице, Галя продолжила говорить: «Мне очень жаль моих родителей. У них была такая тяжелая жизнь, особенно у мамы. Что значит жить и работать в колхозе в советское время, вы это очень хорошо знаете. Жуткие условия и страшная нищета. Но мне радостно от того, что моя мама не потеряла своего достоинства и всегда старалась привить нам хорошие человеческие ценности. Старалась, как могла, по-своему. И кажется, ей это удалось».

Женщина посмотрела на Галю и сказала: «Вашей маме это действительно удалось». И они расстались.

Как сложилась их дальнейшая жизнь, я не знаю, но уверен, что та короткая беседа в морге помогла этой бизнес-леди совсем по-другому посмотреть на саму жизнь и на те ценности, которыми жизнь любого человека может необычайно обогатиться. Такие ценности не зависят от материального благополучия человека.

Говоря о себе, я также скажу, что очень плохо знал своих родителей и мало с ними общался. Мне приходилось рано уезжать на работу и поздно возвращаться домой. Так, к сожалению, пролетали дни и года.

Дальнейшие сложности

Сообщения о смерти вначале отца, а после матери пришли во время моего пребывания в исправительно-

трудо­вой ко­ло­нии. На по­хо­ро­ны не пу­сти­ли, да и со­об­щи­ли о смер­ти ро­ди­те­лей толь­ко че­рез не­сколь­ко дней по­сле по­хо­рон. По­это­му от­сут­ствие на по­хо­ро­нах и тю­рем­ная ре­аль­ность за­глу­ши­ли чув­ство ут­ра­ты ро­ди­те­лей.

Пе­ред смер­тью они бы­ли силь­но опечале­ны мо­им арестом, их млад­ше­го сы­на, ко­то­рый по ста­тьям кри­ми­наль­но­го ко­дек­са, как они го­во­ри­ли, был «вра­гом на­ро­да». Для ро­ди­те­лей, по­мня­щих го­ды по­ли­ти­че­ских чи­сток, это бы­ло, на­вер­ное, са­мое страш­ное. Мне же ка­за­лось, что са­мым страш­ным бы­ли не мои че­ты­ре ста­тьи по кри­ми­наль­ным ко­дек­сам двух стран, а жизнь мо­их бед­ных и за­пу­ган­ных ро­ди­те­лей, и вот по­че­му.

Детство мамы

Моя ма­ма, её на­зва­ли Ма­ри­ей, ро­ди­лась в се­мье со­сто­я­тель­ных укра­ин­ских па­три­отов в го­ро­де Бо­рис­по­ле 15 ок­тяб­ря 1919 го­да. По­зже, что­бы по­йти на ра­бо­ту, она из­ме­ни­ла да­ту сво­е­го ро­ж­де­ния, сде­лав се­бя на го­д стар­ше. И­так, она бы­ла стар­шей до­че­рью, а по­сле неё в се­мье по­я­ви­лись на свет се­стрич­ка и бра­тик.

Ко­гда ей бы­ло 12 лет, от­ца от­пра­ви­ли в Си­бирь, а го­да че­рез два умер­ла её ма­ма. Воз­вра­тив­шись с по­хо­рон, де­ти ста­ли оче­вид­ца­ми со­бы­тий, о ко­то­рых тя­же­ло се­бе пред­ста­вить. Не­ожиданно на­бе­жа­ли ро­д­ствен­ни­ки и на­ча­ли за­би­рать се­бе то, что считали нуж­ным. Бе­д­ные де­тиш­ки за­би­лись в у­го­лок ко­м­на­ты и мол­ча на­блю­да­ли за про­ис­хо­дя­щим.

При­шли со­се­ди и ста­ли корить рас­та­ски­ва­ю­щих до­маш­нюю ут­варь. Они про­си­ли ни­че­го не брать, а оста­вить всё де­тям. Но ро­д­ствен­ни­ки ут­вер­жда­ли, что де­ти все ра­вно вс­ко­ре по­мрут. Они так го­во­ри­ли не без ос­но­ва­ний, по­сколь­ку шёл 1932 го­д и лю­ди жи­ли в пред­чув­ствии не­бы­ва­ло­го го­ло­да. И он уже на­чи­на­лся.

Родственники ушли с забранными вещами, а дети так и уснули, сидя в уголке комнаты и прижавшись друг к другу. Утром замычала корова, и мама пошла её доить. Она помыла вымя корове, чтобы молоко не имело неприятных запахов, и подоила её. Затем мама пошла на базар и продала молоко, а на полученные деньги купила еду.

Дети жили сами, и никто не интересовался ими, пока представители власти не решили отобрать у них дом. Кто-то из соседей посоветовал маме с сестрой и братом поехать в Киев, в дом правительства. Они послушались и поехали.

Павел Постышев

На поезде они добрались до Киева, а потом наняли извозчика и сказали ему ехать в дом правительства, что он и сделал. Трудно вообразить, что и как мама рассказывала партийным чиновникам, однако детей принял тогдашний первый секретарь Киевского обкома Павел Постышев. Хотя его трудно было назвать гуманным человеком и он был обвинён в смерти многих людей, но, выслушав мою маму, он сказал, что дом у них не отберут и приказал своему помощнику накормить детей. Тот принёс буханку хлеба, отрезал три больших куска и полил их водой с растворённым сахаром. Голодные дети быстро съели тот хлеб.

Затем Постышев поинтересовался, есть ли у мамы какие-нибудь ценные вещи. Она сказала, что есть и, размотав платочек, показала золотые серёжки своей бабушки. Он передал их помощнику и попросил пойти в торгсин и купить за эти серёжки крупу. Он также посоветовал хорошенько спрятать крупу и сказал, что у них ничего не отберут. Так и было. А в 1937 году Павла Постышева арестовали, заклеямили «врагом народа» и расстреляли.

Сестра и брат

После произошли трагические события. Весной мама решила, как и все в округе, побелить свой дом. Её сестрёнка порезалась и умерла, как говорили тогда, от столбняка. А на следующий год умер брат, и мама осталась одна.

О тех событиях мне известно из рассказов мамы, но я был ребёнком и мало что понимал. Не помню также, плакала ли она явно или тайком. Единственное, как и всякий малыш или подросток, я запомнил её рассказы, не до конца понимая суть произошедшей трагедии. Позже, став взрослым, я вдруг представил себе весь ужас той ситуации, когда моей маме, которая была, по сути, ещё ребёнком, пришлось хоронить младшую сестрёнку и младшего братика.

Кто-то из представителей власти сказал ей, что дом заберут, и она должна найти себе новое жильё. Мама была полностью растеряна.

Неожиданное решение вопроса

Нужно заметить, что в тридцатые годы, когда в стране «жить стало лучше, жить стало веселее», молодые люди начали массово увлекаться авиацией. Также создавались войсковые части воздушно-десантных войск. Одна такая часть располагалась возле Борисполя. Именно туда был призван в армию мой отец, Алексей, и там была организована большая столовая, куда официанткой приняли маму.

Один из начальников столовой наставлял молодых официанток и, стоя перед ними, говорил, что советские офицеры — это самые воспитанные в мире офицеры. Их нужно очень вежливо обслуживать, чтобы не было так, как было совсем недавно. И дальше он приводил полю-

бившийся ему пример. Юная официантка принесла чай двум молодым офицерам. Один из них спросил: «Товарищ официантка, а чай горячий?» Та ответила, что сейчас узнает. Она быстро опустила указательный палец в стакан с чаем и сказала, что горячий. Будущие официантки смеялись, а начальник был доволен своими советами и приведенным примером, который он повторял не один раз.

Именно в столовой мой отец обратил внимание на маленькую официантку, и с 1936 года они стали жить вместе.

Мамин дом отобрали, и молодожёнам пришлось жить в комнате, где также жил сослуживец отца по фамилии Шубин. Позже, когда мы приезжали с мамой в Борисполь, то часто приходили к нему в контору, где он принимал шкурки кроликов. Мама с ним весело болтала, вспоминая те далёкие дни своей молодости. Такие непринужденные отношения могут быть в тех случаях, когда люди сохраняли между собой чистые отношения, в чём я убедился гораздо позже уже на своём личном опыте.

Мои детские годы

А из тех далёких воспоминаний помню, как родители отправили меня на несколько дней в какую-то отдалённую часть Борисполя, где однажды меня застал дождь, а я гулял среди пахнущих трав зелёной нивы. На грунтовой дороге можно было чётко увидеть полосу дождя и было очень интересно шагать то в одну сторону, где падал дождь, то в другую, где было сухо. После, уже спустя много лет я видел подобное, но линия полосы была не такой четкой, а какой-то расплывчатой.

В то время из Киева в Борисполь ходил автобус, который коптил, пах бензином и был, как правило, набит

народом. За меня не платили, и когда контролёр говорила об уплате за проезд ребёнка, мама отвечала, что мне ещё нет семи лет. Контролёр не верила, но уже не требовала оплаты. Позже, идя к родственникам, мы громко смеялись, вспоминая мамины слова о том, что я ещё не семилетка, хотя мне уже было лет восемь. В то время люди жили бедно и старались экономить каждую копейку там, где это удавалось.

Итак, мои родители начали жить вместе в 1936 году. Через три года мама забеременела и родила своего первенца, которого назвали Колей. Отец уволился из армии, и семья переехала в Киев. Он ничего другого не умел делать, кроме как складывать парашюты и учить других прыгать с парашютом. Поэтому стал работать оперативником в отделении железнодорожной милиции. Кстати, в 1939 году его десантную часть послали воевать в Финляндию. По рассказам очевидцев, очень многие десантники были убиты снайперами, в то время как они медленно опускались на парашютах к земле.

Начало войны

В 1941 году родился Витя, а чуть позже началась война. Отец попал в окружение где-то под Яготинном и рассказывал о панике, которая царила в войсках. По его словам, старших офицеров часто не охраняли и в той обстановке их могли легко убить вражеские агенты.

Советские войска хаотично отступали, и отец брёл по болотам, видя, как немцы едут по дорогам. В конце концов группа, в которой был и мой отец, остановилась перед каким-то удалённым хутором. Там он спрятал в каком-то дупле свои значки и кандидатский билет в члены КПСС.

Местный житель, доброжелательный дедушка, сказал, что немцев в селе нет, и предложил бойцам попариться в баньке. Пока они парились, дедушка позвал немецких солдат. Так мой отец попал в плен и был направлен в Дарницкий концлагерь для советских военнопленных, через который прошло, по официальным данным, около 300 тысяч человек, из них около 68 тысяч потеряли свою жизнь.

Там, наверняка, погиб бы и мой отец, который не любил вспоминать то время, ведь в лагере почти не кормили и не поили. Мама взяла червонец — золотую монетку, которую давно подарил ей её отец, и отдала старосте какого-то села. Она назвала ему фамилию своего мужа, и отца отпустили. В то время позволяли некоторым родственникам и старостам забирать из лагерей своих кровных и односельчан, поскольку так можно было использовать их для работы в сёлах, вместо того, чтобы держать в плену и кормить даром.

Оккупация

В то время на левом берегу Днепра, в Дарницком районе, большинство жили в землянках. Члены партии и кандидаты в члены партии должны были приходить в гестапо и отмечаться, кажется, раз в месяц. У немцев были списки членов и кандидатов в члены партии, поэтому все послушно приходили и отмечались. Не был исключением и мой отец.

Те далекие годы войны мало кто любит вспоминать, потому что они были связаны с периодом унижения и потери человеческого достоинства. Вместе с тем, жизнь всегда изобилует множеством не только печальных, но и довольно забавных случаев. Так, наш сосед, по фамилии Щебельник, был высоким и крепким мужчиной. Он ра-

ботал на железной дороге и приносил домой всё, что можно было унести, — уголь и зерно. Однажды он набрал себе полмешка угля. Юноши, которые с ним работали, взяли и вместо угля набросали в его мешок обычных камней и, как всегда, крепко завязали. Щебельник взял мешок и пошёл домой. По дороге его остановил ряд жандармерии. Нужно заметить, что более всего боялись именно этих военных с блестящими щитками, так называемыми бляхами на груди.

Итак, они остановили Щебельника и стали выяснять, что он несёт. Узнав, что уголь, военные приказали ему высыпать содержимое мешка. Пока он развязывал мешок, они приготовились его расстрелять за воровство. Он развязал мешок и высыпал камни. Немцы рассмеялись. Один из них повертел пальцем у виска, и они ушли, громко обсуждая увиденное. Можно представить реакцию Щебельника. Я не удивился бы, узнав, что он отметил свой новый День рождения, по советской традиции угостив водкой тех шутников.

Освобождение

Когда советские войска стали приближаться к Киеву, мужчины понимали, что их в первую очередь будут расстреливать или отправлять на запад в концлагеря. Почему? Потому что их призовут в армию, и они будут сражаться против немцев. Они вынуждены были прятаться. Мой отец с несколькими мужчинами спрятался возле железнодорожной линии. Они вырыли яму и накрыли её просмоленными шпалами, запах которых мог перебить запах, исходящий из ямы. А это позволило бы надёжно спрятаться от служебных собак, которых могли использовать военные или полицейские для отлова беглецов.

Я никогда не спрашивал отца, почему он не спрятался вместе с мамой, а оставил её в тех ужасных условиях отступления одних войск и наступления других. Я помнил его глаза, когда ему пришлось отвечать на вопрос: «Так тебе приходилось убивать?». Вспоминая прошлое, он говорил: «А куда деваться, если он бежит на тебя, а ты на него? Если не ты, то он обязательно убьёт тебя».

Вспоминая этот трагический эпизод их жизни, больше никогда не спрашивал о войне. А как спрашивать, если, по словам мамы, во время бомбёжки она бежала с двумя детьми, и Витя выпал у нее из рук и сломал себе шею. Он умер на её глазах, и мама похоронила его, вырыв могилу на Дарницком кладбище. Когда она пришла туда через несколько дней, то уже не смогла отыскать Витину могилу, поскольку рядом были десятки подобных свежеврытых могил.

Спустя много лет, когда я проходил возле старого Дарницкого кладбища, расположенного у железнодорожного моста, я часто думал о моей маме, которой пришлось самой выкопать могилу и захоронить здесь своего второго сына, моего среднего брата Витю. По её словам, он был очень красивым синеокиим мальчиком.

После войны

Война закончилась, мама была одна, поскольку отца забрали в армию, и ей пришлось самой заботиться о своём первенце.

Послевоенное время было временем надежд и разочарований. Многие думали, что наконец-то начнется новая счастливая жизнь, но реальность была совсем не радужной. Наступил голод. И хотя мужчины вернулись с войны, многие женщины делали аборты, чтобы избежать дополнительных трудностей в нелегкой и без того

жизни. Мама не сделала аборта, и родился я во второй половине декабря того голодного 1947 года. Так я не стал, как шутили в то время, очередной «жертвой аборта».

Подобные операции делали тогда тысячами, делали законно, а ещё больше незаконно. Отец был против рождения ещё одного члена семьи, и поэтому в моём свидетельстве о рождении он не захотел указать своего имени. Когда я спрашивал его, почему в этом свидетельстве не стоит его имя, он опускал глаза и говорил что-то непонятное о капризах моей мамы.

Итак, я родился в то тяжелое время в маленькой комнатке размером в 11 квадратных метров двухэтажного дома, построенного военнопленными немцами. Сейчас эти дома постепенно сносят и строят на их месте многоэтажные здания. Роды приняла старенькая соседка по фамилии Спивакова. Но чтобы меня не взяли в армию раньше времени, мама сказала, что я родился 2 января 1948. Так и записали.

Из тех далеких времен я помню, как мама, сидя с соседками, сказала мне пойти надеть штанишки, потому что похолодало. Я прибежал в комнату, натянул штанишки, оценивающе посмотрел на себя в большое зеркало и понял, что это не мои шароварчики, а мамино трико. Я надел вторые штанишки, которые были такого же цвета, и понял, что именно первые были моими. В них я выскочил во двор, но мама сразу же отвела меня в комнату, где я снял с себя мамино и одел своё.

Рядом с нашим домом был шикарный сад, который охранял живущий там дед Макар. Мы часто лазили туда, и, кажется, ни у кого не было таких вкусных яблок и груш. Однажды мама застала в том саду моего старшего брата Колю. Она долго уговаривала его слезть с дерева, пообещав не бить. Когда же он спустился, то получил по полной. Коля часто вспоминал тот ещё дедовский метод перевоспитания.

Приблизительно в то же время Коля сказал маме, что он ничего не видит. Мама показывала ему разные предметы, и он отвечал на все вопросы, что не видит их. Мама отнесла его на себе в больницу, которая была в трех кварталах от нашего дома, и там Коля также повторял офтальмологу, что ничего не видит. Врач надел на Колю очки, и произошло чудо — он начал видеть. Врач сказал, что мой брат просто хочет носить очки. Об этих детских попытках носить очки Коля также часто вспоминал.

Еще мне врезались в память отрывочные воспоминания о 1953 году. Умер Сталин и, как некоторые считали, «закатилось солнце планеты». Простые люди полагали, что все надежды рухнули. Из «радио-тарелки», которая висела на стене, звучала траурная музыка, а несколько страниц черно-красного издания тогдашних газет были заполнены фотографиями торжественных похорон. Говорили, что плакал весь народ. Догадываюсь, что это было совсем не так, но моя мама действительно плакала и даже рыдала. После сообщения о враждебной и антиправительственной деятельности Берии, мама взяла коричневый карандаш и зачеркнула его лицо на всех фотографиях. Почему-то запомнилась ревность, с которой она зачеркивала его лицо.

Взрыв снаряда

Где-то в то же время соседский мальчик, которому было лет 10, нашёл артиллерийский снаряд под забором химфармзавода, который мы между собой называли «гематогеном», а сейчас он известен как Фармацевтическая компания «Дарница». Почему гематогеном? Потому что работники выбрасывали куски гематогена на свалку под своим забором, а мы, дети, перелезали через этот

забор и наслаждались вкусными коричневыми кусками. Нам никто не говорил о том, насколько это могло быть вредным. Этот завод находился через дорогу от нашего дома в старом здании со шпилем и был обнесен высоким деревянным забором, окрашенным в зеленый цвет. Именно под тем забором и был найден этот неразорвавшийся снаряд.

Наш сосед, 9-летний Володя, побежал за молотком и начал бить по снаряду. Вскоре ему это надоело, как впрочем, и нам, малышам, стоявшим вокруг него. Тогда Володя стал бросать снаряд в кучу булыжника, из которого по улице прокладывали дорогу. Когда он бросал в ту кучу, мы все, как по команде, съёживались. Так повторялось несколько раз. Наверное, ему это тоже надоело, и Володя с тем снарядом подошел к забору. Этот забор из красного кирпича построили немецкие военнопленные.

Володя начал бросать снаряд в основание этого на совесть уложенного забора. Опять замечу, что все мы съёживались, когда он бросал снаряд. После первого броска я отошел дальше, после второго стоял уже в метрах 20 рядом с соседской девочкой по имени Вера, которая почему-то выдвинулась вперед. На третий раз произошел ужасный взрыв.

Володя получил более 60 осколков и умер на месте, наш сосед по квартире Боря, был ранен несколькими осколками в руку, какого-то мальчика ранило в ногу, а Вере осколок попал в глаз. Также метрах в 50 от нас стояла очень красивая белокурая девушка лет 17, которая, по словам взрослых, ожидала своего парня. Ей осколок попал в сонную артерию, и она умерла по дороге в больницу.

А как реагировали прохожие? Володя спрашивал редких прохожих, взорвется ли снаряд? Они, как правило, отвечали, что не знают, и шли дальше. За забором, впритык к нашему дому, мужчины играли в домино и карты. Очевидно, им также было не до нас.

После страшного взрыва я побежал вокруг квартала и увидел женщину, стоящую на балконе. После она была моей учительницей начальных классов. Её звали Елена Ивановна. Она поинтересовалась, что там произошло? Я ответил что-то невнятное и спросил, есть на мне кровь. Она ответила, что нет, и я побежал дальше.

На месте трагедии собралась большая толпа. Я не видел своих друзей, но мама, которая была бледной, как полотно, схватила меня за руку, ударила несколько раз по мягкому месту. Я заплакал, и она отвела меня домой.

После этого случая я потерял способность хорошо говорить. Это особенно ощущалось в первых классах, где я мечтал свободно излагать свои мысли и учебный материал. Самое интересное, эта неспособность говорить исчезала, когда я приходил домой. Вскоре мы получили новую квартиру и переехали в другое место.

Однажды я проходил возле старого дома, отец убитого Володи, дядя Федя, позвал меня к себе и подарил мне Володины коньки-«пионеры». Трудно представить, что происходило в сердце этого доброго полноватого мужчины, когда он попросил меня подождать и вынес из сарая те коньки. Он дал мне их, обнял меня и погладил по голове. Больше мы с ним никогда не общались, хотя позже несколько раз я видел дядю Федю с его женой, крупной тётёй Тамарой. (Память есть память: иногда у меня возникают сомнения в отношении её имени, и всё чаще я думаю, что её звали не Тамарой, а Дусей. Полагаю, что это ничего не меняет в описании тех событий, а уточнить её имя уже не у кого.) Они куда-то шли вдвоём и о чём-то разговаривали. Было видно, как они постарели. Детей у них больше не было.

В детском возрасте я любил ходить по кладбищам и, как мы говорили, на новом Дарницком кладбище нашел

могилу Володи с памятником из сваренных кусков металла. Также я часто останавливался возле такого же памятника одному испанскому политэмигранту и возле ухоженных могил погибших воинов Первой польской армии. После таких прогулок у меня часто болело сердце. По-детски задумываясь о жизни, я выходил оттуда каким-то другим. Каким именно, я не понимал, но чувствовал, что другим.

Переезд в новый дом

Итак, в 1954 году мы переехали в новый четырехэтажный дом, который располагался на противоположной стороне того же квартала. У нас была уже двухкомнатная квартира размером в 33 квадратных метра. Комнаты располагались в углу дома, и с тех пор, если у меня был выбор, я всегда выбирал комнату или квартиру, расположенную наверху, сбоку и с балконом. Так было интересней. Но почему? Я не знаю.

Когда мы переехали, мама и дальше очень заботилась о нас. Отец работал оператором механической горки на железнодорожной станции Дарница. По поручению мамы, я часто носил ему на работу обед в кастрюльках, завернутых в полотенца. Несмотря на несколько километров пути, еда была тепленькой.

В то время родители необычайно обрадовали меня и после многочисленных просьб привели щенка восточно-европейской овчарки. Мы его назвали Барсиком. Его никто не обучал, и некому было выгуливать эту жизнерадостную собаку. Барсик стал пачкать в квартире и вскоре его отдали какой-то женщине. Она повела его на поводке к себе, и он послушно пошёл за своей новой хозяйкой. Я смотрел ему вслед, но особо не сожалел, поскольку мне надоело постоянно мыть полы.

Несмотря на всё это, я хотел иметь собачку и нам принесли беленькую болонку. Вначале я подумал, что это мальчик, а после более опытный человек, сказал, что у нас не мальчик, а девочка. Её назвали Венеркой. К сожалению, за ней тоже никто не ухаживал, и мало кто её выгуливал. Но когда я поздно возвращался домой, она, как правило, уже спала, и ей явно не хотелось вставать. Но она сильно била хвостом по фанере, которая была возле неё, выражая свою собачью привязанность и радость. Я её гладил и угощал чем-нибудь сладеньким.

Венерка прожила у нас 13 лет, и зимой попала под машину. На снегу водитель мог её просто не заметить. Кто-то из соседей сказал, что она лежит на дороге. Я увидел её раздавленное и замёршее тело. и принёс домой, чтобы позже захоронить. В тот день друзья пригласили меня к себе в гости, но мне давно не было так печально, как тогда. Возвратившись, я узнал, что отец где-то закопал нашу общую любимицу.

Также осенью каждого года мне покупали на птичьем базаре одну птичку. Как правило, это был нарядный щёгол, за которым мы все ухаживали, и он всегда радовал нас свои щебетанием. Когда наступала весна, мы его выпускали на волю. Я вынимал его из клетки и выходил на балкон. Выпущенный щёгол подлетал к ближайшему дереву, чтобы малость прийти в себя и отдышаться после нескольких месяцев пребывания в неволе. А затем он улетал, как иногда «улетают» от своих родителей повзрослевшие дети, исчезая навсегда.

Однажды я привёл домой чёрного кота, который сразу обратил внимание на птичку. Я захотел их ближе познакомить и поднёс кота к клетке. Кот мгновенно вцепился в неё, и мне пришлось приложить немало сил, чтобы сбросить его на пол. Наверное, коту понравилось в квартире, и все мои старания выгнать его были безус-

пешны. Он залез под тумбочку. Я открыл дверь в подъезд и с помощью веника выгнал таки этого неблагодарного кота. Спустя много лет, я видел немало случаев, когда некоторые люди также агрессивно реагировали, узнав о национальности, политических или религиозных взглядах других людей.

Родители жили той жизнью простых советских людей, которая не отличалась какой-либо колоритностью или многообразием. Все было по заведенному распорядку: дом, работа, дополнительная работа в виде огорода, который распределяли по месту основной работы. Выделяли несколько соток в сельской местности под Киевом в районе села Бортнич. Мне нравилось выезжать с родителями, но было очень сложно копать в земле, особенно, чтобы выкопать картофель, который складывали в мешков 10–15. Это было большим подспорьем для семьи, поскольку в то время картошка была основным блюдом. Но я этого тогда не понимал, да и сейчас думаю, что такие усилия не оправданы с учётом времени и других затрат. Однако с годами понимаешь мудрость простых людей, в частности моих родителей, у которых таки не было другого варианта — поступали, как были научены и как делали другие.

Семейную жизнь родителей я не могу назвать счастливой. Более того, отец ушёл из семьи к какой-то одинокой женщине. Сказать, что мама очень переживала — это значит ничего не сказать, ничего не понимать и не сочувствовать горю самых близких людей. Почему? Потому что измена брачному партнёру, то есть прелюбодеяние, относится к числу самых страшных психологических травм у невинных людей. Жаль, что к такому выводу приходишь не в молодом возрасте, а гораздо позже. Где-то через месяц отец возвратился и, кажется, ничего не изменилось. Но за этим «кажется» были горькие, безутешные слёзы и бессонные ночи.

Жизнь заставила маму пойти на работу — дежурить в общежитии, а меня брат Коля устроил работать токарем в механическом цеху его завода. Маме приходилось тяжело, поскольку в молодежном общежитии кипела жизнь и бурлили страсти, а многочисленные хождения жильцов мешали хотя бы часок спокойно вздремнуть. Но через несколько лет такой работы мама вновь занялась исключительно домашними хлопотами. Здоровье не позволяло делать много, но в меру сил ей всё удавалось.

Надо отметить, что она всю жизнь страдала сердечным заболеванием, и несмотря на низкое давление, у неё случилось два инсульта. Если после первого она как-то выкарабкалась, то после повторного удара она была парализована и прикована к постели на целых три года. Поскольку я работал, основная забота о маме легла на плечи отца, который уже вышел на пенсию и имел в распоряжении много времени. Мы жили втроём. Старший брат Коля женился и жил недалеко от нас, время от времени навещая маму.

Когда я спрашивал её, чего она больше всего хотела бы, мама всегда отвечала одним словом: «Ходить». Я тогда мало понимал её, поскольку бегал вовсю и мотался то на работу, то по другим делам. Когда же сам столкнулся с мозжечковым инсультом и потерял на время способность говорить и ходить, то понял мамины устремления и желания. Но к этому выводу и подобным чувствам я пришел значительно позже — в 2022 году.

Со временем мама стала ходить: медленно и с палочкой, но всё-таки самостоятельно.

Узнав о моём аресте, да ещё по так называемым «политическим статьям», родители с неделю не выходили из дому, стеснялись. Тем более, что мама часто повторяла, что в нашей семье никто не сидел в тюрьме, хо-

тя уже тогда некоторые соседи прочувствовали на себе скудость тюремного пайка и особенности пребывания в местах лишения свободы.

Время заключения

За годы заключения родители посещали меня дважды. Один раз в Лукьяновской тюрьме была возможность поговорить через стекло с отцом и братом. Отец был уже тогда сильно болен и через полгода умер от рака.

Мама с Колей посетили меня в колонии. Это была тягостная встреча и вместо двух ночей свидания, они побыли в колонии только одну ночь и рано-рано утром уехали. Коле нужно было идти на работу. Как правило, после таких свиданий осуждённые имели проблемы с желудком от переедания. Но не в моём случае.

Это посещение практически перешло в эмоциональную беседу, а точнее в спор. Мой брат Коля устал доказывать мне необходимость написать прошение о помиловании (чувствовалось, что на него давили работники соответствующих органов). Когда мама и Коля заснули, я вышел в коридор, где мог пообщаться с другими осуждёнными. Вернувшись в барак, у меня оставалось только одно желание: что-нибудь поесть.

После этого я уже не видел маму, и она, как и отец во сне, иногда называла моё имя, надеясь всё-таки дожидаться моего возвращения. Ноги её наполнялись жидкостью, и после так называемого прокола вытекало где-то по ведру этой жидкости. Она умерла от сердечной и почечной недостаточности. Её похоронили на большом Дарницком кладбище рядом с отцом.

В моей памяти сохранилось множество безмолвных и серых картин из прошлого моих родителей. Одна из них связана с их нередкими ссорами. Мне трудно ска-

зять, из-за чего они ссорились. Возможно, из-за ухудшения здоровья и неудавшейся жизни с крушением надежд на хоть какое-нибудь улучшение. Родители в таких случаях молчали и бездумно смотрели в экран маленького телевизора, где могли показывать что-то совсем не интересное и пустое.

Как-то я пришёл чуть раньше и застал их сидящими молча и смотрящими в экран телевизора. Я, как всегда, поцеловал их и сказал: «Что снова поссорились, Лебеядни? А как же вы будете жить, если я куда-то уеду?». Я не знал, что кто-то из «доброжелателей» позвонил отцу и сказал, что меня уволили с работы. Отец не мог в это поверить, поскольку я уходил из дому как обычно, будто шёл на работу, а сам ехал к друзьям и знакомым или просто в центр города. К тому же каждый месяц я аккуратно отдавал родителям ту же сумму денег — 40 рублей и покупал себе месячный проездной билет на все виды транспорта, который стоил 10 рублей. Где я брал деньги, не работая? У меня была очень хорошая библиотека, я сдавал книги в букинистические магазины, чаще всего на площади Льва Толстого. Я не хотел продавать книги с рук, поскольку меня могли бы обвинить в спекуляции. Вот почему на мой вопрос о том, как они будут жить, если я уеду, мама громко сказала: «Знаем, куда ты уедешь! В тюрьму!». Как в воду смотрела. Вскоре меня арестовали.

После ареста милиционеры пришли к нам с обыском, но ничего компрометирующего не нашли. Они взяли только нескольких журналов, типа «Наука и жизнь», «Наука и религия». Почему? В статьях этих журналов были подчеркнуты некоторые слова.

Мама осталась одна, поскольку отец уехал отдыхать по горячей путевке в Алупку. Узнав об аресте, он вернулся домой. Болезнь брала своё, и через несколько месяцев он умер.

Математические расчёты

Поскольку мама была инвалидом первой группы, то по существующему закону из заработанных мною денег администрация колонии должна была перечислять около 50 процентов моей маме. Половину из оставшейся зарплаты забирала администрация, то есть 25 процентов. На ежедневное содержание заключенного полагалось сорок копеек. Другими словами, порядка 12 рублей выделялось на питание, которые также изымались из зарплаты. Эта сумма меня сильно удивила, показывая, что всегда и везде можно упростить свою жизнь. То, что оставалось после всех вычетов, переводилось на счёт осужденного. Разрешалось взять со своего счёта три рубля на так называемую «отоварку», которую разрешали раз в месяц. В ларьке колонии можно было купить на эту сумму какие-то продукты. Чаще всего покупали сигареты, маргарин, повидло и печенье. Чай и водку осуждённые получали во время «перебросов». Но это другая история...

Итак, мама получала из колонии порядка 35 рублей, и для её почти тридцатирублевой пенсии это было существенным пополнением.

Ссылка

Ещё раз напомню, что на ежедневное питание задержанных во время следствия в КПЗ выделялось 40 копеек. Такая норма была и в ссылке, куда меня привезли в 1988 году и откуда позже освободили. Там я получил более 70 рублей за четыре года работы в колонии.

Меня привезли в ссылку в Тюменскую область, в районный центр Юргинское. Первое время я приходил спать в КПЗ, где как-то один прапорщик, глядя на vedo-

мость со списком временно задержанных, был чем-то недоволен и возмущался. Он показал мне ведомость, в которой было указано, что на ежедневное содержание задержанных выделяется 40 копеек. В ведомости было много сокращений. Я также увидел свою фамилию в этом списке, напротив которой стояло магическое число — 0.40 рубля. Рядом был сокращенный вариант моей фамилии, где красовалось уже 1.20. Вначале я подумал, что среди задержанных я был свободным человеком, ссылкой, которому просто негде было ночевать. Но позже оказалось, что 1.20 выделяли не мне, а овчарке по имени Дик. Именно эта несправедливость и вызвала у прапорщика возмущение.

Мой старший брат Коля похоронил наших родителей: отца в 1985 году, а через два года и маму. В среднем они прожили по 70 лет. О них бы я написал: «И прожили они в труде и бедности, а под конец жизни познали ужасные боли и страшную нищету».

Послесловие

В конце 1988 года я возвратился домой. Дело в том, что в стране шла Перестройка, и годом ранее подписали какие-то соглашения об освобождении всех осужденных по так называемым политическим статьям. Ещё с 1987 года работники КГБ стали часто посещать нашу колонию и предлагать написать прошение о помиловании, как они говорили «со стопроцентной гарантией».

В нашей колонии сидело трое по статье, связанной с клеветой и распространением «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Двое написали прошение, и их сразу же освободили. Я отказался и говорил не о помиловании, а о реабилитации.

По сообщению в газете «Аргументы и факты» на январь 1988 года таких отказников по всему Советскому Союзу было 13 человек. Мне было тяжело поверить, что я вхожу в число этих 13-ти.

Меня отправили в Сибирь, куда приехал работник КГБ из Киева, очень приятный интеллигентный мужчина, которому я нередко говорил, что он явно не из этой организации. Его прислали в Сибирь, и, по его словам, он привёз мне свободу, показав указ Президиума Верховного Совета РСФСР о моём помиловании. Между нами состоялся короткий разговор о свободе, которая внутри человека и которая абсолютно не связана с местом и условиями его пребывания. Я расписался об ознакомлении.

В то время ко мне в Юргинское приехали мои друзья из Омска Григорий и его жена Лариса. Мы вместе поехали к ним, а после — в Киев. Мы вошли в комнату, где за год после смерти мамы не потолке и стенах висели какие-то иссушенные насекомые. Они были в своеобразных куколках. Их было очень много.

В Киеве меня прописывали несколько раз, поскольку по моим статьям разрешалось жить только в сёлах и маленьких населённых пунктах. Не стоило также надеяться на какие-нибудь амнистии и проживание в крупных городах. Но, как видим, всё меняется.

Через несколько лет я добился реабилитации. На мой вопрос о материальной компенсации, мне сказали, что надо поторопиться, чтобы в райсовете были деньги. Сумму нужно было высчитывать из расчёта 7 гривен 50 копеек. В день? Вы что? В месяц!!! Другими словами, можно было бы получить около 90 гривен за год пребывания в местах лишения свободы, а эту сумму умножить на количество годов и месяцев. Вы бы взяли такую щедрую компенсацию? Уверен, что нет, поскольку эта сумма компенсации унижает достоинство человека. Я полностью согласен с вами.

Кстати, в среднем подъезде нашего дома жил один пожилой человек, который произнес много похоронных речей. Также он выступил и на похоронах моего отца. К сожалению, я забыл его имя, но хорошо помню его рассказ о том, почему он решил не жениться и не дать коммунистам — той злой системе социализма, — своих потомков. Я тоже не был женат (но не по политическим причинам и не по состоянию здоровья), поэтому не смог обрадовать своих родителей многочисленными внуками и правнуками.

Мой брат Коля восполнил этот своеобразный пробел. От первого брака у него родился сын, который после стал жить в России, а во втором браке родились две дочери, одна из которых сильно болела и умерла в юном возрасте. Вторая дочь, Инна, ухаживает за могилами своих родителей, а также дедушки и бабушки. Инна вышла замуж за очень доброго человека по имени Саша, и живёт под Киевом. У них родилась дочь, которую они называли в честь бабушки, Машей.

ЭРНА

(Из дневника Эрны Генриховны Май-Зейдель)

Начало жизни

Я родилась в Москве, 3 декабря 1901 года. Мой адрес был: Бутырская застава, ул. Вятская, дом 27, кв. 11. На казенной квартире, состоящей из трех комнат, на третьем этаже, с небольшим садом на шёлковой фабрике, хозяин которой жил во Франции. Название фабрики было: «Анонимное общество коконного отброса в России».

Мой отец, Генрих Иванович Май, работал на фабрике счетоводом. Он родился в Сувалкской губернии, в селе Гмины Алексота. Когда ему пришлось идти в армию, он уехал в Америку, Филадельфию, и устроился работать на фабрику рабочим, но тоска по родине заставила его возвратиться в Россию. Здесь он отбывал военную службу солдатом, служа Николаю II, в Санкт-Петербурге. Отбыв армию, он женился на моей матери Елизавете Романовне Зееланд и уехал с ней в Москву, где у него жил брат Фридрих.

Училась я в Москве, в частной гимназии им. Ежовой, дошла до третьего класса, а затем с нами произошло большое несчастье.

Погром

В 1914 году, 4 августа, нам Германия объявила войну. Народ был очень враждебно настроен против немцев. В Москве, сперва стали громить германских под-

данных, а также их убивать. Картина была ужасающей: срывали крыши с домов, бросали людей в Москву-реку. Например, шоколадная фабрика Эйнем: весь шоколад и конфеты были выброшены на улицу. Жирардовская мануфактура — материал также был выброшен и везде затруднял движение транспорта. Нам это всё рассказывала наша соседка, которая ездила в центр Москвы, а мы-то, жили на окраине.

И вот 25 мая 1915 года моя сестра Марта, которая была старше меня на три года, пришла из школы, её отпустили на летние каникулы. Моя мать была занята шитьём костюма для моей сестры. Вдруг мы слышим резкий звонок в дверь. Подбегаем к двери, а там стоит наш сосед Лукин и говорит нам: «Вас сейчас идут гро-мить!». А мы спрашиваем: «Что же нам теперь делать, спасти что-нибудь?». «Нет, уже поздно. Идите в мою квартиру, в последнюю комнату, не подходите к окну и держите моих детей на руках». Мы сняли с вешалки старые пиджаки, и перешли в его квартиру.

У него была прислуга, а жена поехала в центр Москвы за какими-то покупками. Когда через 10 минут ворвалась толпа в нашу квартиру, то спросили прислугу: «Где хозяйева, мы пришли их убить!». Она ответила: «Они уехали!». Когда эта толпа пришла на фабрику со списком немецких граждан, то спросила: «Есть ли у вас такой немец Май Г. И.?». Рабочие не выдали моего отца, хотя он и стоял рядом. Позже он, имея ключ от чердака фабрики, пошёл туда прятаться. Ему представилась ужасная картина — он мог видеть, как у нас из окна сперва выбросили пианино, потом буфет и остальную мебель. Подушки распаривали, пух летел, как снег.

В каком духовном состоянии был мой отец? Тут же подошёл к нему сатана и начал искушать: «Смотри, ничего у тебя больше нет. Может быть, и семью твою убили.

Теперь тебе остаётся только петлю на шею». Это духовное искушение, о котором рассказал мой отец, он перенёс мужественно и обратился с молитвой о помощи к Богу.

Через полчаса толпа разошлась, но наш сосед не пускал смотреть нашу квартиру, а потом, наконец, пустил. Это было ужасное зрелище! Окна выбиты, стены пустые, на полу каждая книга изорвана, осколки посуды, обломки разных предметов, сахар, песок, земля — всё вперемешку.

Мы спросили, нашего спасителя-соседа: «Где же наш папа?». Он сказал: «Не знаю, может быть, за ворота вышел?». Тут мы спустились с лестницы и находились в тамбуре, где находились наши сослуживцы, живущие в этом доме. Вдруг, о радость, явился наш папа! Когда он нас увидел, то тоже обрадовался, не зная, живы ли мы. Все, конечно, нам сочувствовали, а папа сказал: «Бог дал, чёрт взял, мы опять все наживём». Нам посоветовали в этом доме не ночевать, потому что могут опять прийти и нас найти.

Новая жизнь

Тогда мы пошли к трамвайной остановке и сели на трамвай, который нас довёз до казенной гимназии, где училась моя сестра. Нас встретила начальница школы приветливо, угостила нас чаем со сдобным хлебом и предложила переночевать на кожаных диванах. На следующий день мы отправились к дяде Фридриху. Он был женат на русской женщине и имел двух дочерей, живя на частной квартире.

Моему отцу каждый месяц фабрика платила зарплату, хотя он там и не работал. Составили акт об уничтожении нашего имущества, но нам впоследствии ничего не уплатили. Но германским подданным было уплачено.

Поживши у дяди две недели, мы его очень стесняли, поэтому мы перешли жить к одному хорошему знакомому, у которого семья была на даче. Он отвёл нам две комнаты, предоставил на кухне газовую плиту и принёс большую корзину продуктов. Так мы прожили месяц.

Моя сестра хотела поехать к нашим родным в Санкт-Петербург. У мамы там жила сестра, по имени Матильда, которая имела мужа музыканта и настройщика, по имени Густав Христофорович Зейдель. У них было пять сыновей и одна дочь. Папа с мамой проводили нас на вокзал, посадили в поезд, и я с сестрой поехала в Санкт-Петербург. Там нас встретили, и мы поехали сперва на квартиру, которая была в городе, а затем поехали на поезде на дачу в город Павловск. Там мы прожили всё лето.

Осенью мои родители также приехали в Санкт-Петербург. У семейства Зейдель была большая квартира, две квартиры соединены вместе, так что они две комнаты сдавали жильцам. Моя сестра устроилась в школу в седьмой класс, также в казенную без экзамена, а меня туда без экзамена не приняли, так что моя мать устроила меня учиться в гимназию, которая была при лютеранской церкви св. Петра в 4 класс. Предметы, которые я там проходила были: закон Божий, немецкий, русский, французский, английский, арифметика, алгебра, геометрия, география, история, естествоведение, рисование и рукоделие. Там я проучилась до 6-го класса. Это было в 1918 году. Потом я заболела, болезнь моя была на нервной почве, так что меня отправили в психиатрическую больницу. Итак, я не окончила свое среднее образование, что меня очень угнетало.

Когда я поправилась, я поступила учиться на 6-ти месячные педагогические курсы, института социального воспитания. 7 мая 1920 года меня направили работать в детский дом, для живущих там детей дошкольно-

го возраста, которые были почти все сиротами. Летом детский дом выезжал из Петрограда на дачу, в Стрельну, а к зиме приезжал обратно. Но вот, в 1925 году, наш детский дом выехал на лето в Сестрорецк, это был курорт, а затем остался проживать там и на зимнее время.

У моей матери была еще одна сестра, по имени Ольга Бонке, которая жила в Ленинграде. Её муж был германский подданный, он был миссионер. Семья их состояла из двух девочек и мальчика. И вот их выслали в Берлин, ещё до нашего приезда в Ленинград. Им не разрешили взять с собой много вещей, и они всё своё имущество и мебель оставили у моей тети Матильды, где мы теперь и поселились. Так что Бог дал нам опять то, что мы потеряли. Как я уже раньше упоминала, у моей тети Матильды, были сыновья, и один из них стал впоследствии моим мужем.

Замужество

Сперва я его знакомила с некоторыми девушками, с кем я работала, а также ещё с другими. Но они не произвели на него хорошего впечатления. Например, одна только хотела тянуть от него денег, а с другими он не нашёл общий язык. А я тут была около него, хотя летом уезжала с детским домом на дачу. В 1923 году, 5 августа, я вышла за него замуж. В апреле, 26-го числа 1926 года, у нас родилась дочь, Эльвира. После декретного отпуска и месячного, которые длились пять месяцев, я подала заявление об увольнении, по собственному желанию.

Летом, мы всей семьей жили в Павловске, где проживала сестра моего мужа. Мой муж был музыкальным мастером, музыкально-клавишных инструментов, и работал на фабрике по ремонту пианино, а также настраивщиком. У него было всегда много частной работы.

Предложение учиться

Все безработные должны были быть зарегистрированы на бирже труда. Через четыре года я снова захотела работать воспитательницей и пошла на биржу труда с заявлением о моём желании работать. Мне сказали, что есть такая работа в жэковской комнате для детей дошкольного возраста, но там особая работа, так как должны вести антирелигиозную работу среди родителей. На это я ответила: «Я такую работу принять не могу, потому что я верующая». Они ответили: «Если вы верующая, то вы вообще не можете работать воспитательницей. Своего ребёнка, вы можете воспитывать в религиозном духе, а наших советских детей не можете». Я спросила: «Что же мне теперь делать?». Они посоветовали «переквалифицироваться на другую работу, хотя бы на счётную».

Когда на следующий месяц я пошла на биржу труда, то мне предложили учиться на кассира. Хотя я не очень хотела учиться на кассира, но всё же согласилась, потому что у меня не было полного среднего образования. Так, я поступила учиться на курсы по повышению квалификации и подготовке гарантийных служащих. Предметы изучения были следующие:

1. Русский язык с элементами корреспонденции,
2. Элементарная математика,
3. Обществоведение,
4. Кассовое дело,
5. Гарантийное страхование,
6. Счетоводство,
7. Коммерческие вычисления.

Проучилась, я там шесть месяцев Одних после учебы направили работать в Сберкасса, других в Раифо и Госстрах, а меня в Госбанк. Я была принята в ЛОК Госбанка

счётчиком в кладовую, проверять облигации по тиражам на выигрыш, которые стояли там большими мешками. Я проработала счётчиком некоторое время, и заведующий кладовой предложил мне по желанию, перейти работать на счётную работу. Я изъявила это желание. Сперва я работала конторщицей, потом счетоводом, а затем помощником бухгалтера. Когда мы летом жили в Павловске, то Эльвира там ходила в детский сад. Потом она заболела дифтерией. Её тетья, Мария Густавовна, положила её в больницу, в Детское село, езда на поезде занимала туда 10 минут. Мы были очень опечалены её болезнью, в особенности мой муж, я же на всё смотрела со стороны Божьей воли. К счастью, Эльвира поправилась.

Проработав в ЛОК Госбанка больше четырех лет, я подала заявление на увольнение, по собственному желанию, чтобы больше уделять времени моей дочери после болезни тем более, что мой муж имел хорошие заработки. Он тогда работал в Радиоцентре настройщиком.

Аресты 1934, 1938 года

Тут с нами случилось опять несчастье. Мой муж, проработав в Радиоцентре уже 5 лет, и вот начальник говорит ему: «Мы вас не можем уволить, как плохого работника, подавайте сами заявление на увольнение, по собственному желанию, так как вы являетесь немцем и в нашей организации работать не можете. Поступайте в какую-нибудь маленькую организацию».

Через месяц, 23 февраля 1938 года, моего мужа арестовали и сослали на 10 лет без права переписки, на Дальний восток. Ещё в Ленинграде я ему передавала, три раза по 300 руб. (старыми деньгами), потому что принимали только деньги. Потом, когда я узнала о его

судьбе, мне сообщили, что он умер в 1944 году от стенокардии и реабилитирован посмертно. Также выслано было свидетельство о его смерти, где сообщалось, что он умер 14 марта 1944 года от стенокардии. Это было 27 июня 1960 года. Но это было неправдой. Я получила ложное свидетельство о его смерти, в котором указывалось, что он умер в возрасте 44-х лет.

Зная о репрессиях, я решила опять написать письмо, в котором значилось, что он умер в 1944 году. А где же он был с 1938 по 1944 годы? И теперь мне сообщили правду. Муж был приговорен к расстрелу 13 июня, и приговор был исполнен 28 июня 1938 года. И вот 15 мая 1989 года пришёл человек из КГБ и сообщил об этом. Мне выслали другое свидетельство о его смерти. Его расстреляли в возрасте 45 лет.

Моего отца арестовали в 1934 году. Он был председателем церкви в Ленинграде. Предыдущего председателя арестовали. Сперва отцу дали год вольного поселения, отправив в город Архангельск. Прибыв туда, ему дали 3 года. Когда началась война, отцу дали 10 лет и сослали на остров Кулалы. Сперва мы ему посылали продукты и деньги, а с началом войны всё прекратилось. Он умер в 1941 году.

Мою сестру Марту, тоже арестовали в 1938 году, так как она играла в церкви в Ленинграде на органе. Она умерла 14 февраля 1942 года. Также арестовали её мужа, Владимира Густавовича Зейдель. Он умер 23 октября 1941 года.

После ареста отца моя мать перешла на иждивение моей сестры, у которой был сын Володя. Мою маму выслали из Ленинграда в Архангельск. Она туда поехала с девятилетним внуком в мае 1938 года, будучи семидесятилетней старухой, без пенсии (у нее не хватало лет для этого). А меня выслали в Челябинскую область.

Выезд из Ленинграда в ссылку

Прибыв на место в село Ново-Петропавловка, я устроилась жить на частной квартире и стала работать с 1 сентября 1938 года. Работала на Ново-Петропавловском маслозаводе, в качестве счетовода-картотетчики. Когда подошёл годовой отчет, мы стали работать сверхурочно и нам за это ничего не уплатили. Тогда я решила подать на суд, но прежде посоветовалась с юристом. Суд решил в мою пользу. Мне и ещё одному работнику, согласно табелю, уплатили оклад зарплаты. Потом я решила из этого села уехать, так как здесь не продавали печеный хлеб и не было базара. Прежде чем уволиться, надо было подать заявление на увольнение и проработать две недели.

Проработав две недели, я уже не вышла на работу и за мной послали техничку. Меня уговаривали остаться, но я отказалась. При расчете, мне удержали за те дни, когда я ходила в район на отметку, то есть за 12 дней. Это было 22 июля 1939 года. Я опять решила подать заявление в суд.

Из Ново-Петропавловки я переезжаю жить в район села Уксянки, по разрешению МВД. 7 августа 1939 года, я устраиваюсь работать в Уксянское сельпо, счетоводом. Я жила далеко от работы в селе Любимово. И вот мои часы меня подвели, и я опоздала на работу на 15 минут. Тогда был закон об увольнении за опоздание и меня уволили 15 августа. В сельпо я проработала только 8 дней.

Тогда я пошла, наниматься в Госбанк, который находился в селе Любимово. Меня сразу приняли бухгалтером-лицевиком с 4 сентября 1939 года. Я стала работать с клиентами. Счет маслозавода был в моих руках. К окошку подошёл директор маслозавода и сказал, чтобы я прекратила судебное дело, и он сейчас готов уплатить недостающую сумму, что он и сделал. В 1941 году

разыгралась война. Меня перевели работать контролером 1 августа 1942 года, а затем 15 апреля 1945 года заместителем бухгалтера, а затем временно главным бухгалтером, который ушел на войну и не вернулся.

Приезд матери и её смерть

Моя мать была выслана в Архангельск с внуком Володиной, а я ей ежемесячно посылала 300 руб. (старыми деньгами). Когда я еще жила в Ленинграде и мне месяц до этого объявили о моей ссылке, тогда я начала продавать свои вещи, которые я поставила в комиссионный магазин. И вот я получила денег от продажи своего имущества в Ленинграде, старыми деньгами 12000 руб. Деньги по не многу подходили к концу, и тогда я решила позвать мою мать к себе, если её отпустят из ссылки.

Как раз в день объявления войны, в 1941 году она выезжает с внуком из Архангельска. Дорога была трудная. От вокзала г. Шадринска до нашего села, было далеко 50 км, транспорта не было, так что она несколько дней прожила на вокзале. Потом над ней сжалились и её увезли на грузовой машине до села Любимово. В 1946 году, 27 октября, она умерла, в возрасте 76 лет от старческой слабости и слабоумия. Володя начал учиться с 3-го класса и проучился до 7-го класса. Потом он устроился учиться на шофера в Автобазу.

Переезд в город Шадринск

И вот война в полном разгаре. Едут эвакуированные в наше село, им надо дать работу, а мест свободных нет. Значит надо увольнять тех, которые им не по душе. И вот меня хотят уволить с работы и не знают к чему придраться. Меня вызывают в кабинет начальники МВД,

милиции и Райисполкома и спрашивают: «Вы умеете говорить, по-немецки?». Отвечаю: «Не только по-немецки, но и по-французски, и по-английски, а вы не верите? Я могу рассказать вам стихотворение по-английски». «Не надо»,— сказали они. Наступило молчание. Теперь из-за их молчания начинаю говорить я: «Я догадываюсь, почему вы меня вызвали на переговоры. Вы в моем лице думали найти врага, но вы ошибаетесь. Вы, конечно, в мою душу войти не можете, но я очень тяжело переживаю эту войну, читая газету о гитлеровских зверствах. Я родилась в Москве, отец мой родился в Сувалкской губернии, мать в Ленинграде. Отец отбывал военную службу, служа солдатом Николаю II. Меня выдает только моё имя, отчество и фамилия, говоря, что я немка Эрна Генриховна Зейдель». «А вы можете переменить свое имя, отчество и фамилию?». «Переменить? Да, ведь сейчас война, некогда такими делами заниматься». Этим и кончился наш разговор. Но этим дело не закончилось.

Меня вызывает начальник военкомата и говорит: «Мы вас хотим направить на работу». «Что же, это неплохо, я люблю работать. Но смогу ли я выполнять ту работу, которую вы на меня возложите, ведь у меня ещё трое иждивенцев — мать, дочь и племянник». «Почему вы так думаете? А на счёт иждивенцев — это мы все устроим». «Вот почему я так думаю: при уборке квартиры я очень быстро устаю, и начинается сердцебиение». «Это мы проверим, вы пойдите к врачу и принесёте справку о вашем здоровье». Тогда я пошла к врачу и при нём сделала несколько физических упражнений. Я получила справку: «Э.Г. Зейдель к физической работе непригодна».

После этого управляющий Госбанка вызвал меня в кабинет и сказал: «Мы вас увольняем с работы, потому что вы не банковский работник». «Почему это я не бан-

ковский работник? Я ведь 4 года проработала в ЛОК Госбанка. Если вы в этом сомневаетесь, то пошлите меня сдать экзамен». «Не надо, я вам предлагаю: или вы увольняетесь по собственному желанию, или мы вас пошлём в колхоз». Я подала заявление по собственному желанию. Это было 8 октября 1946 года.

Тут я стала хлопотать через НВД, чтобы мне разрешили переезд в город Шадринск. Пока пришло разрешение, я стала в нашем колхозе помогать составлять годовой отчет. Вот мы с Эльвирой уезжаем в город Шадринск. Багаж был такой, что в руках можно было его нести. Володя пока остался в селе Любимово.

В поезде мы познакомились с одной женщиной. Она согласилась нас временно взять на квартиру. После долгих поисков работ устроилась, работать на Шадринский автоагрегатный завод им. Сталина, на должность бухгалтера по материальной части в арматурный цех. Эльвира устроилась в этот же цех работать станочницей. Через некоторое время и Володя приезжает к нам и устраивается учеником слесаря. Нам всем дают общежитие. Я была принята на работу 21 февраля 1947 года.

Переезд в Казахстан

И вот, всех ссыльных переселяют в Казахстан, согласно справки Управления МГБ, по Курганской области от 15 июля 1948 года за №6/4355. И вот я увольняюсь с работы, 21 июля 1948 года и получаю зарплату на две недели вперёд. Также увольняются Эльвира и Володя. Едет с нами ещё несколько семей. Приезжаем в город Кокчетав в МГБ.

Сперва нам предлагают вести нас в колхоз, но так как мы все отказались, то нам разрешили самим выбрать место и выехать за свой счёт, что мы и сделали.

Мы выбрали Арыкбалык, где есть лес и озеро, 120 км от Кокчетава. Наняли вскладчину машину и поехали. Прибыли туда в 12 часов ночи. Столовая была ещё открыта. Там нам предложил один шофёр отвести нас на квартиру одного знакомого. Прибыв на место, дали расположиться в горнице на полу.

Наутро пошли искать работу и квартиру. 10 августа 1948 года я устроилась работать в Арыкбалыкскую автороту «СЗТ» на должность бухгалтера по материальной части. Володя тоже устроился в МТС работать слесарем. Проработал он только месяц и попросил меня его опять отправить в село Любимово, где он раньше работал. Его желание я исполнила. Получив зарплату, я его одела с ног до головы и отправила обратно в село Любимово.

23 февраля 1949 года я была уволена по сокращению штата. Через 3 дня я устроилась временно работать в столовую бухгалтером. А 1 апреля 1949 года я увольняюсь в связи с выходом на работу заменяемого работника. Теперь я осталась без работы. Ходила в Госбанк, но там работников не требуется. Денег нет, за квартиру платить нечем, продуктов нет, питаться нечем. Тем более в Арыкбалыке в том году был плохой урожай. Картофель вырос мелкий. Стала ходить, как нищая, по знакомым.

Одна женщина из семьи наших ссыльных работала в столовой, в буфете. Она сочувствовала нашему положению и дала мне в её дежурство 600 г хлеба без денег. Пригласила сесть за стол, и мне принесли из кухни тарелку супа. А Эльвира пошла к ней домой, где её дочь Роза готовила обед, и также угостила её супом. Так как нам нечем было платить, нас попросили освободить квартиру. Но Бог нас не оставил. Мы познакомились с одной женщиной, которая захотела нас пустить на квартиру без денег, но зимой отапливать вместе.

Тут мне подвернулась работа, с которой я не была знакома. Бухгалтер копкомбината предложил мне занять его должность, и он готов меня обучить. Когда я осталась без него, мне было очень трудно, потому что заведующий тоже был новый, молодой. Он меня учил всяким махинациям, но я на это не пошла и, проработав там два месяца, уволилась по собственному желанию. Там был портняжный цех, колбасный, рыбный, лимонадный. Он крал рыбу и учил это утаивать. Когда я получила зарплату, то сразу пошла на ту квартиру, где у меня была задолженность, и уплатила свой долг. Они были очень удивлены моей честности.

Предложение работать в Арыкбалыкском Госбанке

Однажды пришёл главный бухгалтер Госбанка ко мне на квартиру и спрашивает: «Работаю ли я? Если нет, то он предлагает мне сейчас идти на работу». Было пять вечера. На это я ответила: «Что сейчас не могу пойти, потому что Эльвиры дома нет, но завтра утром приду». Меня удивила такая срочность. А дело было в том, что парень, который работал на том месте, пропьянствовал всю ночь и не вышел на работу.

Когда я пришла на следующий день с заявлением, меня приняли, а его уволили. Была я принята 7 октября 1949 года на должность помощника бухгалтера, работать с клиентами.

Увольнение с работы

Проработав честно и добросовестно 4 года и 7 месяцев, со мной случилось опять большое несчастье. Меня уволили как непригодного работника, потому что это ме-

сто потребовалось другому лицу. Дело было в том, что старого управляющего перевели организовать отдел Госбанка в село Красный Яр Кокчетавской области, а на это место поставили нового демобилизованного. У него были дети, которые болели. Он хотел сделать доброе дело врачу, приняв её сестру на моё место переводом из Барнаульского отделения Госбанка. Для этого он дал телеграмму в Барнаульское отделение Госбанка: «Вакантная должность есть» и послал с ней техничку на почту. Она потом нам всем сообщила об этом тексте. Все были очень удивлены и говорили, что, наверное, меня будут увольнять.

На следующий день 30 апреля 1954 года управляющий Головченко вызывает меня в кабинет и зачитывает свой приказ о моём увольнении, как бы по непригодности. Были указаны всякие ошибки, которые находила когда-то ревизия, которые даже ко мне не относились. Он велел мне расписаться. Я отказалась и сказала ему, кого он хочет на моё место поставить и хлопнув дверью, ушла из кабинета. Тут я стала писать жалобу на моё неправильное увольнение: 1. В Алма-Ату, в областную к-ру Госбанка. 2. В Кокчетавскую область к-ру Госбанка. 3. В профсоюз ФБР.

В это время послали Головченка учиться в Алма-Ату, а его стал замещать ссыльный Л. С. Фукс, который работал кредитным инспектором. Тогда приезжает сестра врача из Барнаула, и Л. С. Фукс меня спрашивает, что ему делать теперь? На это я ему отвечаю: «Меня увольняйте, а её принимайте». Так он и сделал. Вскоре я нашла себе работу на маслозаводе, заместителем бухгалтера.

Переход в Красноярское отделение Госбанка

Через месяц приходят ответы на мои жалобы. Из Алма-Атаы и из комитета профсоюза ФБР от 24 мая 1954

года. Сообщу вкратце: «Следовательно, тов. Зейдель была уволена с работы с грубым нарушением закона о труде. Постановили: 1. Решение РКК Арыкбалыкского отделения Госбанка от 5 апреля 1954 года, по жалобе товарища Зейдель Э.Г., отменить. 2. Разъяснить тов. Зейдель Э.Г., что за нарушение своего конфликта она может обратиться в суд в течении 14 дней со дня получения настоящего постановления. 3. Из Кокчетавской области к. Госбанка от 1 июня 1954 года: «Приказ управляющего Арыкбалыкского отделения Госбанка от 1 апреля 1954 года за № 22 в части увольнения с работы помощником бухгалтера Арыкбалыкского отделения Госбанка тов. Зейдель Э. Г. отменить и восстановить тов. Зейдель в прежней должности».

Тут меня Л.С. Фукс вызывает поговорить по телефону с Кокчетавским отделением к. Госбанка. К 9 часам утра 1 июня 1954 года, я явилась и мне сказали по телефону, что переводят меня работать в Рузаевское отделение Госбанка. На что я ответила, что туда не поеду, потому что это было очень далеко. Я изъявила желание поехать в Госбанк села Красный Яр. На это мне ответили, что поговорят с управляющим о моём приеме. На следующий день мне сообщают, что управляющий согласен меня принять бухгалтером.

И так я поехала в Красный Яр. Эльвира пока осталась в Арыкбалыкском Госбанке работать машинисткой. Приказ помощника бухгалтера Арыкбалыкского отделения Госбанка, товарища Зейдель перевести на работу в должности бухгалтера в отделение Госбанка в село Красный Яр. В Арыкбалыке на должности помощника бухгалтера у меня была зарплата 450 руб. (старые деньги), а здесь 575 руб., выслуга лет 143 руб. — всего 718 руб. Так я начала работать бухгалтером с клиентами в Красноярском отделении Госбанка, согласно приказу от 1 июня 1954 года.

Ещё пришла бумага — приказ: «В связи с тем, что увольнение помощника бухгалтера, тов. Зейдель, восстановлена на работе, обязываем немедленно произвести с тов. Зейдель расчет по зарплате за время вынужденного прогула». На маслозаводе я уволилась, а до моего поступления получила компенсацию за вынужденный прогул.

17 июля 1954 года Эльвира приехала в село Красный Яр, а на работу поступила 19 июля, на должность машинистки. Проработав 2 года, я заболела гриппом и лежала в больнице, а после этого я почувствовала себя очень слабой. Я уволилась по собственному желанию и стала жить на Эльвирином иждивении до пенсии. С 14 ноября 1956 года я стала получать пенсию по старости 467 руб.

10 декабря 1954 года меня вызвали в управление МВД и дали справку о моём освобождении из ссылки, где я провела 18 лет. Там я получила паспорт 12 января 1956 года.

Покупка и продажа домов

Когда мы жили в Арыкбалыке, тогда нам предложили купить землянку за 500 руб. (старыми деньги) с огородом. Когда мы прибыли в Красный Яр, то там купили в колхозе «Сов Маяк» у ингуша в рассрочку, избышку-землянку из 2-х комнат с большим огородом за 1800 руб. (старые деньги). Но, он был далеко от Госбанка, тогда мы его продали за 1200 руб., а купили в райцентре за 3700 руб. (старые деньги) дом с одной комнатой и огородом. Когда я уезжала из Красного Яра в Джесказган, куда Эльвира вышла замуж, то я его продала в сентябре 1958 года за 2500 руб. и уехала жить в Джесказган, а оттуда в 1974 году в Каратау Джамбульской области.

Заключение

«Жизнь — это борьба за свое существование». В этой ссылке за 18 лет мне пришлось пережить много про-

блем, из которых я указала главные. А их было много, все не опишешь. Но на всём своём жизненном пути, я уповала с молитвой на Бога, который в трудную минуту меня поддерживал. Я всецело поддалась исполнению Его воли. Например: если бы меня не выслали из Ленинграда, я бы умерла с голоду, как мои родные, которые там остались. Если бы управляющий Бабушкин из Госбанка в селе Любимово не предложил мне уволиться по собственному желанию, бы я не выхлопотала себе выезд в город Шадринск, где в то голодное время было хорошее снабжение продуктами, и все трое мы могли работать на одном месте и жить в общежитии. Если бы меня управляющий Арыкбалыкским Госбанком Головченко не уволил, я бы не перевелась в Госбанк села Красный Яр Кокчетавской области, где у меня была зарплата выше и поэтому я получила пенсию больше и оттуда Эльвира вышла замуж. Если бы я не приняла на своё иждивение сироту Володю, а свою дочь добровольно отправила на военный завод, откуда она потом сбежала, председательница сельсовета включила бы её в список для передачи в милицию и тюремного заключения. Если бы я не ушла с воспитательной работы, я бы не имела работы в ссылке, потому что в тех местах, где я жила, не было детских учреждений.

Несмотря на всю свою трудную жизнь, нахожу во всём большое Божье благословение. Писала 19 октября 1979 года.

ОСКАР

Мне 85 лет, и я знаю, что скоро умру. Врачи поставили страшный диагноз — рак печени и рак легких, а при таком заболевании долго не живут. Я одинок, хотя рядом поселились родственники, но мы разные. Поэтому очень рад, что вы пришли проведать меня и интересуетесь мною... Есть ещё кто-то, кто меня искренне любит и уважает. Не знаю, почему, но хочу рассказать вам немного о себе. Нет, это не исповедь. Это правдивый рассказ человека, который уходит и увядает, угасает на глазах... Припорошены временем имена, даты и события, да и цифры могут страдать определенной неточностью. Но, по большому счету, это и неважно, ибо остается суть... борьба за жизнь... остаётся ненадолго история, моя история — история и жизнь человека.

Мои родители были немцами по национальности. Их пригласили жить в России, и они приехали. Корабль временно остановился в Крыму, и родители решили остаться здесь. Купили домик и стали работать. А потом произошла революция, и всё поменялось...

Вскоре арестовали отца, и он умер. Мать осталась одна с четырьмя детьми. Я был старший. Шли тридцатые годы, жить становилось всё сложнее, есть было нечего. Мама как-то оговорилась, что я остался старшим в семье, а мы умираем. Я всё понял и стал красть. Вначале воровал один, сам, а после стали воровать группой. Было несколько человек... такие же хлопцы, как и я, босяки. Вместе легче красть, больше шансов не попасться. У кого крали?

Да всякое бывало, но в основном забирали не у людей, которые, как и мы, страдали от голода. Крали у государства. Я считал, что это по справедливости.

Мама говорила мне, что красть — грех, но после как-то смолкала и несколько раз повторяла одно и то же — что я старший в семье, а мы умираем... и молчала... Я всё понимал и продолжал красть, пока нас не поймали. Началось следствие...

В местах лишения свободы

В камере я сидел с вором в законе. Он спросил меня, немец ли я? Моя фамилия говорила об этом. Я сказал, что немец. Видно я ему чем-то понравился, и он поинтересовался, за что я сижу. Узнав, что меня вызвали на допрос и какая-то старуха сказала, что я похож на того, кто её ограбил, он сказал, чтобы я поговорил со своими друзьями, и уговорил их «повесить» на себя всю вину. Нам необходимо признаться, что обокрали ту женщину.

Мне было странно. Как это «повесить» на себя чужое преступление? Но он объяснил, что вышел закон и будут расстреливать тех, кто ворует у государства. А если, кто украл у какого-то частного лица, то это просто криминал. Он сказал, что это лучше сделать во время суда, когда будете вместе. Там мне нужно сказать своим подельникам об этом законе, а потом признаться. Я так и сделал. Вначале мои друзья смотрели на меня с недоверием, а после согласились.

Мы признались и нас осудили за ограбление той старушки. Спрашиваете, что дальше? Да, известно, повезли по этапу из тюрьмы в тюрьму. Советское время внесло большие изменения в понятие «тюрьма». Полно

стукачей. Страшно раскрываться. То было далеко не лучшее время, а я всё вспоминал свою семью и думал, как теперь они будут обходиться без меня.

Какая она, зэковская жизнь? Наверно, вы много слышали или видели. Сейчас популярно писать о советских зонах и снимать фильмы, а в жизни всё было иначе. Ну что сказать... Я молодой, необученный, правда в теле, мог за себя постоять и стоял.

Проигрыш в карты

В одной из тюрем меня проиграли в карты, и мне шепнули, что один ворюга должен меня убить. Я уже кое-чему научился и понимал, что у него нет выхода. Проиграл, значит, должен отдать. Я не спрашивал, почему играли на меня. Понимал, что денег нет, а интерес должен быть в игре. А как же иначе? Наверно, увидел меня, здоровяка, ну и поставил, а другие согласились. Так и пошло...

Чего смотрите? Хотите узнать, что было дальше? Скажу прямо: это нелегко — находиться в камере и знать, что тебя собираются убить. Нужно постоянно быть на чеку, ведь поставлен срок и надо отдавать долг. Вижу, в углу кучкуются и что-то ему говорят. Понял, что вот-вот начнётся. Делаю вид, что ничего не замечаю, даже повернулся спиной к ним. Думаю, что лучше теперь разобратся, чем ждать всю ночь.

Стал спиной, а точнее почти спиной, полубоком, чтобы видеть. Слышу, все как будто замерли, затихли. Вижу, он отходит от них и идёт ко мне без ножа. Думаю, надо подпустить ближе и раз...

Он выхватывает из-за пояса нож и... я всё рассчитал. Внезапно схватил его за руку, и вышло так, что он сам себе всадил нож где-то под сердце. Все видели, как он, ёкнув, упал, и молчали. Всё было по-честному, а в таких делах это самое главное.

Когда долго живёшь в подобных условиях, то ко всему привыкаешь, внутренне черствеешь и полагаешься только на себя и, возможно, на нескольких проверенных друзей. Живём семьями, так легче во всех отношениях.

Порт Ванино

В конце концов нас привезли аж на Дальний Восток, в порт Ванино. Недалеко от порта был пересылочный лагерь для заключенных, огороженный высоким бревенчатым забором с колючей проволокой. Нас привели туда. На территории пересылки полно народу, неразбериха. Потом начали вызывать по фамилиям. Отметили и сказали, что можно взять себе любую рыбку. А там лежало много солёной рыбы, самой разной. Помню, подумал, где они могли столько выловить? Выбор большой... бери — не хочу. Я взял небольшую и пошёл к входу в лагерь.

За забором в зоне толпились заключённые, которые смотрели на прибывших и старались найти знакомых. Несколько эзков стали кричать мне, чтобы я взял большую рыбу. Я возвратился и взял самую большую. Положил её на плечо и понёс. Хвост волочился по земле.

Там за лагерными воротами меня встретили, и я увидел знакомых, Володю и Мишу. С Володей мы когда-то лежали рядом в бараке. Было радостно встретиться даже в таких неприятных условиях.

Чукотка

Все ждали отправки. Было несколько больших кораблей, и на них отправляли преимущественно на Колыму, в знаменитый Магадан. Ждать пришлось недолго, и вот нас развели по палубам, значит, по отсекам, поса-

дили в трюмы, и мы поплыли. Это были большие корабли, набитые заключенными, число которых, по словам некоторых моряков, доходило до 4 тысяч.

Надо сказать, что кормили относительно хорошо. Наверное, чтобы никто не умер, и я не помню, чтобы какого-то выносили из нашего отсека. По нужде поднимались на палубу, и охранники спрашивали, по какой нужде выходил заключённый. Если по лёгкому, говорили идти сюда, налево, а если по большому, то показывали направо. Всё было просто, и никто не стеснялся. Подходишь к борту, снимаешь штаны и, держась за поручни, отправляй свои потребности на здоровье. При этом меня поражало количество акул, сопровождавших наш корабль, видно, им нравились наши отходы.

Как после выяснилось, направлялись мы не в Магадан, а на Чукотку, в город Певек. Нас высадили, дали рыбу, а её и здесь было более чем достаточно, и сказали идти в гору, в том направлении, куда шли группа за группой.

Нужно было идти дотемна, а иначе капец, замёрзли бы. Те группы было видать издалека. Мы пошли за ними. Собак не было, и нас никто не охранял. Лишь время от времени, изредка, проскакивал на коне какой-нибудь охранник и торопил идти дальше, показывая направление.

После рыбы страшно хотелось пить, а воды не было. Вокруг рос ягель, олений мох, а возле его корней была вода, какого-то неприятного цвета, но всё-таки вода. Обычно её пьют только олени. Я понял, что пить её рискованно и советовал своим друзьям, Володе и Мише, не есть солёную рыбу. Они не послушались и ели, а после очень захотели пить и, как многие другие, разгребали мох и пили ту воду.

По дороге мы встречали отставших от предыдущих групп. Это были те, кто пил воду, которая вызывала

у них сильнейшую диарею. Некоторые снимали с себя штаны и шли обнаженными, не стесняясь оставлять после себя специфический след. Эта болезнь их быстро обессиливала, они останавливались, садились на что попало и просили, умоляли каждого хотя бы немного помочь им. Все понимали, что те обречены и не брали их, но если такой ослабевший за кого-то хватался, то держал его так, что оторваться от него было совсем не просто. Я также увидел, что Володя стал часто останавливаться, а потом пошёл уже без штанов. К сожалению, я уже ничем не мог ему помочь. Так он и остался сидеть на холодном камне, глядя на нас своими потускневшими глазами.

Я часто вспоминаю ту дорогу вверх, особенно крики и душераздирающие просьбы не проходить мимо, а немного помочь. Признаюсь, что это совсем не просто смотреть, как умирают люди, а особенно твой друг, и чувствовать своё бессилие.

Хотя вершины гор и небольшие, но идти к ним было далеко, сказывался оптический обман. Кажется, гора вот, близко, а на деле совсем иначе.

Проверка глухоты

Дорога заняла весь день, и наконец мы пришли в пункт назначения, где нас распределили на работу. Я попал на Майское месторождение, и мне нужно было идти работать в шахту. Вначале я не знал, что там добывают, но меня страшно поразил цвет лиц и всей кожи работников. Они все были почти медного цвета. Такого я никогда в жизни не видел. Я спросил, почему они так выглядят, и один заключенный пожилого возраста объяснил, что они добывают не столько олово, сколько уран, и что здесь никто не живёт более двух лет. Он по-

советовал мне сделать всё возможное, чтобы не работать в шахте, потому что это дорога к смерти. «А что же мне делать?» — спросил я. Однако он ничего не посоветовал, а только сказал, что я умный парень и смогу найти какую-нибудь весомую причину. Я нашёл... и притворился глухим.

Вначале мне не верили, а потом решили проверить, действительно ли это так. Офицеры и охранники звали меня или кричали, но я не оборачивался и делал вид, что их не слышу. Тогда меня вызвали в санчасть и сзади двое эков, фельдшер и санитар, решили меня ещё раз проверить. Они договаривались за моей спиной, но так, чтобы я слышал. Они собирались уколоть меня шприцом, а я сделал вид, что их не слышу.

Санитар подошёл ко мне сзади и кольнул в задницу. Я вскочил, развернулся и вlepил ему так, что он не только упал сам, но и завалил шкаф с лекарствами. Он хотел на меня наброситься, но фельдшер сказал, что я действительно глухой, поскольку, слыша их разговор об уколе, мог что-то предпринять. Однако он ничего не сделал, значит, не слышал. Санитар успокоился, а мне дали новое назначение в дорожную бригаду.

Работа

Нам надлежало следить за качеством дороги, на участке от 13-го до 37-го километра, на трассе между городами Певек и Анадырь. Мы засыпали дорожные ямы камнями, которых было здесь хоть пруд пруди. В бригаде было человек четырнадцать, и работали мы на совесть, понимая, что лучше трудиться на поверхности, чем пахать в шахте. А в шахту попасть можно было за любой проступок.

К тому же водители понимали, что многое зависит от нас, и старались поддерживать с нами хорошие от-

ношения. Мы могли «не заметить» какую-то яму, а отремонтировать старую машину никому не хотелось. Поэтому у нас никогда не было проблем с едой. Частенько мы могли вытаскивать из машин то, что удавалось взять. Каким образом? Водитель говорил нам, какие продукты он будет везти и где притормозит, а там уже было наше дело заскочить на машину, но так, чтобы нас не увидел сопровождающий, и сбросить один-два мешка с едой.

Как я уже сказал, дорожная бригада должна была засыпать ямы, а это было сделать легко, поскольку вокруг лежало множество камней. Работа мне нравилась, и я радовался, не замечая времени. Так прошло три года, и настал срок моего освобождения, но я освобождался зимой, а в зимнее время корабли не ходили. Деваться было некуда, пришлось дожидаться весны. Когда же наступила весна, я взошёл на палубу корабля уже как свободный человек и поехал с Дальнего Востока в Крым.

Возвращение в Крым

За это время многое изменилось. Мама постарела, а брат с сестрой очень выросли и не понимали, почему я оказался в местах лишения свободы. Жизнь мне казалась скучной, а избавиться от старых привычек было сложно. Я нашёл себе новых друзей, и мы снова начали воровать. Опыт общения с ворами не прошёл зря, и у нас всё получалось. Более того, я женился, и у нас с женой родились дети — сын и дочь.

Позже всю нашу группу арестовали, и вновь пошли тюрьмы и лагеря. Однако в отличие от первой ходки, я уже был матёрым авторитетным зэком и знал, что и как делать. Казалось, я создан для тюремной жизни.

О семье я не заботился, и моя жена подала на развод. Когда после очередного освобождения я приехал к ней, то со мной никто не захотел разговаривать. Дети высказали всё, что думают обо мне. Слушать их слова мне было неприятно, и мы больше никогда не виделись. Я стал жить, как живут босяки. Почему, как босяки? Себя я причислял не к ворам, а к босякам.

Германия

Пролетели года, и произошли большие изменения в мире. СССР распался, и многие советские немцы уехали в Германию. В конечном итоге, выехал и я. Приехал, а чем заниматься? Возраст преклонный, уже было за 70, языка не знаю... Правда, стали давать хорошую пенсию. Хватает на нормальную жизнь. Так и прожил здесь 13 лет.

К сожалению, случилась беда, и у меня резко ухудшилось здоровье. Оно и неудивительно, учитывая мою жизнь и возраст. Врачи поставили страшный диагноз рак, а потом нашлись родственники. Они взяли меня к себе, но взяли не потому, что уважают, не говоря уже о том, что любят, а потому что получают от меня выгоду. Мне платят хорошие деньги, которые достаются им. Так и живу...

Что-то я разговорился с вами. Всё рассказываю, поскольку вижу, что вы честные, порядочные люди, общения с которыми мне всегда не хватало. К тому же вы приходите ко мне, и вам не нужны мои деньги. Вы читаете и объясняете мне Библию.

Я всегда знал, что есть какая-то невидимая сила — Бог. Мне в жизни приходилось много раз стыкаться с тем, что я никак не мог себе объяснить, но чувствовал, что меня кто-то защищал и позволил дожить до таких пре-

клонных лет... Спасибо, что приходите. Что? Спрашиваете, какого принципа я придерживался в течение всей моей жизни? Сложный вопрос, но отвечу. Ранее я жил по босяцким понятиям, а теперь стараюсь жить, соблюдая заповеди Бога Иеговы. Читаю Библию, вашу литературу, вижу, это правда. Простите, что замолчал и задумался... Наверное, устал, вспоминая далёкие и незабываемые дни. Вы уходите? Вам уже нужно идти? Хорошо. Ещё раз большое спасибо за то, что пришли. До свидания, а точнее, прощайте. Кстати, какое сегодня число?

Через несколько дней Оскар умер.

ВИКТОР

(рассказал Виктор Слепцов)

Дважды приговоренный к смерти обретает спасение...

Родился я в 1957 году, на юге Украины, в городе Николаеве, в семье рабочих.

Мой отец работал на судостроительном заводе фрезеровщиком, а мама — в магазине уборщицей. Сколько себя помню, у нас на кухне в верхнем правом углу висела икона с изображением девы Марии и младенца Иисуса Христа, и я с детства слышал разговоры о Боге. Мама была православной веры, отец был неверующий.

Когда мне было 12 лет, в моей памяти запечатлелся семейный скандал, отец и мама сильно ссорились, ссоры случались и раньше, вся причина была в том, что отец часто пил. Но, видно, в этот раз всё зашло слишком далеко, отец от нас ушёл, а примерно, через год нас известили, что он умер. В день, когда мы об этом узнали, мама долго стояла на коленях перед иконой, и до моих ушей долетали слова молитвы: «Боже, прости меня, грешную, прости, что неправильно живу, что не слушаю Тебя, прости моего мужа и прошу, вспомни о нём в день воскресения...» После этого, она позвала меня и сказала: «Сынок, запомни, если тебе будет тяжело, обратиться к Богу, и попроси Его тебе помочь, и он обязательно поможет». Потом мы вместе плакали об отце.

В 14-летнем возрасте, меня за драку и оскорбление учителя, исключили из школы. В то время, мама уже не

имела на меня никакого влияния — я её просто игнорировал. Как и следовало ожидать, я попал в компанию подростков, таких же, как и я сам. И как обычно бывает, в каждой группе подростков есть лидер, в своей — лидером был я. И эта жизненная позиция закрепилась за мной на протяжении всей моей жизни. Моя уличная банда совершала кражи и хулиганства. В 16 лет я и несколько моих дружков попались на мелкой краже, обворовав продуктовый ларёк. Тогда мы отделались минимальным наказанием. Суд вынес приговор, мы получили по три года условно. Это была моя первая судимость. Сейчас я уже четырежды судим. Три последующих судимости за особо тяжкие преступления. Я был признан судом особо опасным рецидивистом.

В 1975 году в 18-летнем возрасте, при совершении государственной кражи, я совершил свое первое умышленное убийство человека, охранявшего это имущество. Мои дружки, которые были со мной, убежали, а меня арестовали на месте преступления. В тюрьме, куда меня поместили, я чувствовал себя героем. Во всём, что я не делал, я старался зарекомендовать себя с самой плохой стороны, и это мне удавалось, за что я был два раза помещен в карцер. Потом был суд за содеянное убийство, и учитывая моё плохое поведение, во время следствия, меня приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Тогда я очень гордился собой. И несмотря на то, что меня должны были расстрелять, поместив в камеру смертников, я не выдал своих сообщников. Через три месяца, Верховный суд УССР рассмотрел кассационную жалобу моего адвоката, и удовлетворил его прошение, мне поменяли смертную казнь на 15 лет ИТК (исправительно-трудовой колонии), с отбытием первых трёх лет на ТЗ (тюремное заключение) усиленного режима. Так я оказался в Житомирской тюрьме усиленного режима. По истечению 3 лет, я был переведён в колонию № 4, уси-

ленного режима. Пробыв там один год, я стал одним из инициаторов лагерного бунта. Используя недовольство заключённых, мы подняли мятеж.

Большая часть заключённых участвовала в этих массовых беспорядках, но лишь меня и ещё 18 человек, за активное участие в бунте, судили и приговорили к разным срокам наказания, то есть, добавив к нашим прошлым срокам новые, не засчитав нам то, что мы уже отсидели. Меня снова судили и приговорили к 15 годам особого режима (с отбытием первых трёх лет на ТЗ), снова признав меня особо опасным рецидивистом. Тогда меня этапировали в Винницкую тюрьму строгого режима.

Всё, что со мной происходило, это только возвышало меня в глазах заключённых, принося мне ещё больший авторитет в преступном мире. К концу моего срока заключения, у меня было 57 взысканий и нарушений режима содержания.

Я трижды был переведён на тюремный режим за драки, два раза меня водворяли в одиночную камеру, на срок один год, более 20 раз я попадал в карцер и шизо (штрафной изолятор), по 15 суток за каждое нарушение, и ещё множество раз был лишён передач и свиданий. В то время, я всегда и во всем отстаивал блатные законы и понятия, при этом часто не считаясь с другими. Там, куда меня привозили отбывать срок, для администрации тюремного учреждения, я был «ужасом», они переставали спать по ночам. С таким «послужным списком», я освободился из мест лишения свободы, отбыв 19 лет в заключении. По понятным причинам, я уже не мог быть заурядным преступником, мой тюремный стаж и авторитет, распространялся и на тех, кто на свободе был связан с уголовным миром. Я был вхож в узкий круг криминальных авторитетов и лидеров города, в котором стал жить, а также и за его пределами. Я снова организовал преступную группу, которая занималась рэке-

том, выбиванием долгов, кражами и разбоем. Но всё же, не смотря на своё положение, счастливым я не был, потому что не имел, ни семьи, ни настоящих друзей. Тогда я был похож на хищного зверя — волка-отшельника. Это привело к тому, что стал часто выпивать, иногда не чувствуя меры. На дворе был 1996 год. Во время очередной пьянки произошла ссора, в которой я и совершил еще одно убийство. Всё происходило, как в тумане. Затем арест, следствие и быстрый суд. Итак, меня вторично приговорили к смертной казни, через расстрел.

Пришёл в себя в камере смертников, первая мысль — совершить самоубийство, от злости на себя и на весь мир, от бессилия перед обстоятельствами, в которых оказался. Прожил я чуть больше 38 лет, половина жизни проведена в тюрьме, всё стремился что-то кому-то доказать, отстаивая свои «волчьи законы». Сидел и думал: «А зачем я жил? В чём же истинный смысл жизни? Кто мне ответит?». Я прилёг на нары, закрыл глаза и чётко вспомнил слова покойной матери, которые она мне сказала, когда умер мой отец: «Обратись к Богу, Он поможет». В моих личных вещах, которые мне разрешили взять с собой в камеру, где-то было Слово Бога — Новый Завет. Я взял пакет и высыпал его, там была маленькая синенькая книжица. Взяв её, я подошёл к за решеченному окну, преклонил колени и стал молиться. Я искренне просил Бога простить меня за все то зло, что я ранее совершил. Именно тогда я и пообещал Богу, что если Он поможет мне спастись, и меня не расстреляют, я буду делать все возможное, чтобы жить по Его законам.

С того дня, я стал регулярно молиться, а также усердно изучать Новый Завет, так проходил день за днём. И вот однажды я узнал, что в соседней камере находится такой же приговорённый к смерти, как и я. Тюремным способом я стал общаться с ним. Звали его Сер-

гей, он был молод, и, как я узнал, он уже долгое время находился здесь. У него тоже была Библия, и он её ежедневно читал. Мы стали часто беседовать, обсуждая прочитанные библейские стихи, и даже делились впечатлениями. Со временем я приобрёл полную Библию, и по ходу изучения, у меня возникало много вопросов, можно сказать, я испытывал «духовный голод» (Матф. 5:3), но где искать ответы, я не знал, да и Сергей мало чем мог мне помочь. Нам двоим нужна была духовная помощь. Через 8 месяцев моего пребывания в спецкорпусе, Сергея помиловали, ему определили срок, 20 лет ИТК, особого режима. Моё общение с ним прекратилось, Сергея увезли, и я остался один, из приговорённых к расстрелу.

Я не прекращал искать источник, из которого мог бы узнать ответы на мои библейские вопросы. Через тюремную библиотеку я получал религиозную литературу. Я изучил и разобрал верования и катехизисы православных, лютеран, баптистов, харизматов и адвентистов. У последних я заочно окончил библейскую школу, получив диплом об окончании. Я уже достаточно хорошо знал Писание, и поэтому мог выносить непредвзятые суждения в духовных вопросах. Так, например, я заметил одну закономерность — вся религиозная литература, что я исследовал, противоречит библейским учениям. К примеру, учение о троице. Слово Бога однозначно и чётко говорило: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеком, человек Иисус Христос» (1 Тим. 2:5). Религиозная же литература, которую я изучал, учила, что Бог — это три личности, то есть, триедин, Отец-Бог, Сын-Бог, Дух Святой-Бог. Я молился Богу и просил Его помочь мне разобраться в этом вопросе. Бог ответил на мою молитву. Как-то библиотекарь принесла мне брошюру: «Следует ли верить в Троицу?», изданную Свидетелями Иеговы. Вооружившись Библией, я непредвзято исследовал эту брошюру, и ясно понял, что те, кто изда-

ли её, учат библейской истине. Теперь я знал, у кого искать ответы на другие вопросы. Но была проблема... Для моей категории осуждённых, переписка пока была запрещена законом. Я не мог написать в филиал Свидетелей Иеговы. Но тут я хочу остановиться и вернуться к прошедшим событиям, которые сыграли немаловажную роль в моей дальнейшей жизни. С тех пор, как я остался один в спецкорпусе, месяца через три у меня появился «новый сосед», это был сидевший в камере рядом молодой парень. Я сразу, тюремным способом, попытался наладить с ним общение и поговорить о Боге. Мне это удалось. Соседа звали Володя, тогда он рассказал мне о себе и откровенно признался, что хочет совершить самоубийство. Я мог его понять, у него была сильная депрессия. В своё время, попав сюда, я ощутил эту болезнь на себе, и подобное чувство которое он сейчас испытывал, мне было хорошо знакомо. Поэтому я изо всех сил пытался успокоить и утешить его. Я рассказал о себе, привёл много ободряющих примеров из Библии, об Иосифе, Иове, Давиде, Иеремии, показал, что эти люди, находясь в трудных обстоятельствах, находили поддержку и помощь у Бога. Я посоветовал ему обратиться в молитве к Богу и сказал, что тоже буду за него молиться. Через тюремного надзирателя я передал ему Новый Завет. Мы стали ещё чаще общаться, и я начал о нём духовно и материально заботиться, так как о нём некому было побеспокоиться, а я получал поддержку от моих бывших друзей. Мой новый товарищ, а сейчас мой духовный брат, постепенно приходил в нормальное состояние, я уже слышал от него шутки и смех, а это в тюрьме считается признаком жизни. Я был рад за него и благодарил Бога, что Он помог ему обрести смысл жизни (Иоанна 14:6). Мы вместе стали изучать Библию. Тем временем, спецкорпус стал заселяться, новыми, приговорёнными к расстрелу. А в 1997 году в Украине

был введен мораторий, и смертные приговоры перестали приводить в исполнение. Для нас появился шанс начать новую жизнь, угодную нашему Создателю, что лично в моем случае, было не так уж и легко, так как в свое время мне был доверен, так наз. «тюремный общак». Это была довольно почетная миссия, руководить материальными средствами и решать, кого в преступном мире стоит поддержать. Тогда я уже понимал, что мне, во что бы то ни стало необходимо было отказаться от участия в этом деле. И хотя это было нелегко, я смог это сделать, объяснив свою позицию тем, кто доверил мне это.

Проходило время, и у меня постепенно расширился круг знакомых, так как всех нас, каждую неделю стали переводить из камеры в камеру. Я начал использовать эту возможность для того, чтобы говорить с заключёнными о Боге. Со временем к нам с Володей, присоединились в изучении Библии Тарас, Женя и Алексей. И надо отметить, что все мы, сильно «осознавали свои духовные потребности» (Матф. 5:3), и очень нуждались в духовном общении.

Именно тогда библиотекарь и принесла мне ту брошюру, которая помогла нам понять, что учение о троице не имеет Библейского основания.

А чуть позже к нам попала книга «Ты можешь жить вечно в раю на земле», изданная Свидетелями Иеговы. После изучения этой книги, все мы (пятеро) могли понять, без сомнения, истина — у Свидетелей. К этому времени, мы уже призывали в своих молитвах имя Иеговы (Римлянам 10:13).

Слух о том, что я стал изучать Библию, бросил курить, сквернословить, и очень изменил своё поведение, сильно удивил всех моих друзей и знакомых. Начальник и многие работники тюрьмы были поражены, когда мне приходилось с ними разговаривать. Ведь все они были наслышаны обо мне, и имели глубоко негативное мне-

ние, впрочем, они и сами видели, каким я был раньше, до того, как стал изучать Библию. Сейчас я был приветлив, дружелюбен и всякий раз когда это было уместно, пытался говорить о Боге и Библии. Тогда я уже понимал, для того, чтобы регулярно получать литературу и связаться с местным собранием, мне необходимо было сообщить о своем желании в филиал Свидетелей Иеговы во Львове. Я так и сделал, мне это удалось. Но в этой тюрьме, православная церковь оказывала своё влияние, всячески препятствуя тому, чтобы мы получали журналы «Сторожевую башню» и «Пробудитесь!», а также книги и брошюры. Но, не смотря на такое сильное противодействие, находились люди, которые даже из тюремных мусорников приносили нам эти издания.

Бывало так, что некоторые работники тюрьмы, встречая Свидетелей Иеговы в городе, просили для нас литературу, так как для них было удивительно видеть, что такие отъявленные преступники, совершенно изменили свой образ жизни. Именно это обстоятельство и помогало нам получать журналы и книги, изданные Свидетелями Иеговы.

В 2000 году в Украине, в связи с отменой смертной казни, мне, а позже и другим заключенным, расстрел заменили пожизненным заключением. И не смотря на то, что все мы сидели в одиночных камерах, мы все равно продолжали общаться и духовно расти, при этом укрепляясь в вере. Так мы, самостоятельно изучили брошюру: «Что от нас требует Бог», и книгу «Познание, ведущее к вечной жизни».

В это время, к нам стал приходиться заключённый из хозяйственной службы. Его звали Сергей. В разговоре он спросил: «правда ли, что я называю себя Свидетелем Иеговы»? Я дал утвердительный ответ и сказал, что нас здесь пять человек, принявших в своё сердце истину. В следующий раз Сергей принёс подшивку журналов

«Сторожевая башня» прошлых лет. Тогда-то он и рассказал, что его жена крещённый возвеститель Свидетелей Иеговы. Если бы вы только знали, как сильно всех нас, это ободрило. Мы очень благодарны Сергею и его жене Ире, за то, что они всячески заботились о нас духовно. Но вскоре Сергея помиловали, и он освободился. Мы были рады за него, особенно когда чуть позже узнали, что он стал крещённым возвестителем. Кто-то может не поверить, но все мы, отчетливо осознавали, что Иегова Бог по своей великой милости, всегда заботился о нас, ведь он видел наше искреннее раскаяние — Спасибо Ему за это.

Однажды я заговорил со старшим прапорщиком, который был начальником прогулки. Оказалось, что Сергей (так его звали), не так давно общался со Свидетелями Иеговы и даже был пару раз у них на собрании. После этого разговора мы, всякий раз встречаясь, беседовали с ним о Библейских истинах. Как-то раз я попросил его, после дежурства сходить в Зал Царства к Свидетелям, рассказать о нас и попросить литературу. Сергей с удовольствием исполнил эту просьбу. И через некоторое время он согласился на изучение Библии. А после того, как Сергей побывал на международном конгрессе Свидетелей Иеговы в г. Киеве, он рассказывал нам, какое огромное впечатление получил, от того что тысячи людей, в одном порыве спели песню «Хвалы Иегове». Тогда он сказал: «Без проявления чувств — слёз радости, невозможно было смотреть на это огромное великое множество, искренних людей». После этого Сергей стал духовно расти. Он оставил службу в тюрьме, так как его совесть не позволяла ему носить оружие. А затем символизировал свое желание служить Богу, водным крещением. Мне особенно запомнился последний день его работы в тюрьме. Тогда он сопровождал меня в прогулочном дворике. Подойдя ко мне, он сообщил, что пришёл попрощаться и, обняв меня, как брата, долго пожимал мою руку, затем

сказал: «Спасибо тебе, брат, и всем вам, за то, что помогли мне начать изучение Библии, теперь я на верном пути». С того времени, Сергей никогда не забывал нас. Он всегда приносил нам в тюрьму журналы, а также писал письма и даже до сего дня мы переписываемся с ним.

Как-то утром, ко мне в камеру зашёл зам. начальника по режимно-оперативной работе и сказал, что с разрешения прокуратуры, нас, осуждённых к пожизненному заключению, теперь могут содержать по двое. Он предложил перевести ко мне в камеру Алексея, которому я помог узнать истину. Я очень этому обрадовался. При встрече, от нахлынувших чувств, мы даже прослезились. Наконец-то моё четырёхгодичное одиночество закончилось. Теперь, мы могли общаться и беспрепятственно беседовать на библейские темы.

А тем временем наши духовные братья из местного собрания «Николаев — Северное», пытались получить разрешение на наше посещение в тюрьме. Но, увы, пока этого не было достигнуто. Слух о нашем маленьком «тюремном собрании» распространился по всему городу, и это многих удивляло, так как меня знали с самой негативной стороны. В глазах почти всех, я по-прежнему оставался свирепым преступником и законченным бандитом. Но на самом деле это уже было не так. Теперь я точно знал, куда иду и в чём истинный смысл жизни, за что я очень благодарен Богу Иегове.

Итак, пробыв вместе с Алексеем в камере около двух лет, меня, а позже и моих заинтересованных, отправили в Винницкую тюрьму строгого режима, для отбывания пожизненного заключения. С тех пор, как я дважды отбывал здесь свой срок наказания, прошло уже 15 лет, и хотя тут многое изменилось, но тюрьма всегда оставалась тюрьмой.

По прибытию на место, я сразу обратился к администрации тюрьмы с просьбой, чтобы мне предоставили

встречу со Свидетелями Иеговы. Её рассмотрели, но так как до этого Свидетели Иеговы ещё не были в этой тюрьме, нужно было время, чтобы оформить разрешение. Также я написал письмо в филиал, в г. Львов, о том, что мы нуждаемся в духовной поддержке, и с нетерпением ждал ответа.

Здесь, в Винницкой тюрьме, нас также разрешили содержать по двое. Очень хорошо, что я с собой привёз много книг и журналов Общества Сторожевой башни. И так как меня часто переводили от одного заключённого к другому, то я мог проповедовать и распространять религиозную литературу. Мой прежний тюремный опыт помогал мне в этом. А как я был рад, когда несколько моих сокамерников, приняли в своё сердце истину о Боге, и сейчас являются некрещеными Свидетелями Иеговы. Так проходило время. И вот однажды, наступил долгожданный день, к нам пришли братья из местного собрания. С того времени в этой тюрьме «широко открыта дверь» для того, чтобы Божья истина достигла и этого «края земли». И на сегодняшний день уже 7 человек, приговоренных к П/З, являются некрещёными возвестителями, и более десятка — желают начать библейское изучение и общаться со Свидетелями Иеговы, чтобы приумножать свои духовные познания. Хочу также отметить, что мы всегда ощущали огромную поддержку всемирного братства Свидетелей Иеговы. Большое спасибо тем братьям, которые, жертвуя своим временем и силами, всегда посещали и посещают всех нас, чтобы укреплять и ободрять. Трудно оценить и выразить словами чувства к нашим соверующим, труд и забота которых, просто бесценны. И ещё, я благодарен всем тем офицерам тюрьмы, которые содействовали и помогали нашим братьям, беспрепятственно посещать и поддерживать нас духовно.

В тюрьме всегда бывает трудно, но, несмотря на это, я всё так же стараюсь находить возможность проповедовать истину о Боге. Вот и сейчас со мной в камере заключенный, с которым я провожу библейское изучение. И я очень дорожу тем, что могу говорить людям правду о нашем любящем Создателе Иегове. Я твердо придерживаюсь того обещания, которое я дал Богу 9 лет назад. С тех пор я ни разу не пожалел об этом, это самое мудрое решение в моей жизни.

Теперь я с огромной надеждой ожидаю того времени, когда Иегова Бог, превратит всю нашу грешную землю в рай. (Псалом 3:11, 29. Луки 23:43.) И ещё, я с огромным нетерпением жду того момента, когда будет исполняться обещание Бога о воскресении мёртвых (Деяния 24:15. Ин. 5:28, 29.), у которых будет возможность обрести вечную жизнь... МЕНЯ, ЭТО ОСОБЕННО ВОЛНУЕТ И ЗАТРАГИВАЕТ, так как я надеюсь встретить тех людей, которым причинил такое страшное зло, И ОТ ЧИСТОГО Сердца ПОПРОСИТЬ у НИХ прощение... Теперь мне очень больно вспоминать об этом. Так же я с нетерпением жду встречи с воскресшими родителями. Я не представляю, какая это будет радость для них узнать, что их сын сильно изменился и теперь является истинным поклонником Иеговы.

Я с решимостью настроен и дальше продолжать говорить истину о Боге всем тем, кто меня окружает. Тюрьма, конечно, не самое лёгкое место для проповеди, но я искренне благодарен Иегове за то, что могу служить именно там, где это особенно необходимо. Иисус сказал: «что не здоровые нуждаются во врачах, а больные... я пришел призвать не праведников, а грешников к раскаянию» (Луки 5:31, 32).

Любовь и терпение, которое проявляет ко мне Иегова, утешает меня и помогает развивать те черты характера, которые мне жизненно необходимы, как Его

служителю. Из хищного зверя я превратился в миролюбивого, сострадательного, мягкого человека (Иаков 4:6). «Спасибо Иегове и ночью и днем». Этими словами из песни я и хочу закончить это письмо.

P.S. В этом рассказе все события и имена людей правдивы и соответствуют действительности. Я очень надеюсь, что многие люди, а также те, кто знал меня прежде, прочитав мое откровение, поймут, что все мы, буквально во всём, зависим от Бога, а также задумаются над тем, как и для чего они живут. Скольких страшных бед тогда можно было бы избежать в нашей, пока, и без того, недолгой жизни. Я знаю, что пока ещё существует этот злой мир, мне не увидеть свободы, но я абсолютно уверен, что любой человек, где бы он ни находился, познав волю Бога, при желании всегда может обрести духовную, а в скором будущем и буквальную свободу. Пусть же Божье наставление, записанное для всех нас в книге ИСАИЯ в 1 главе, с 15 по 20 стихи, станет побуждающей силой, способной изменить всех искренних людей для лучшей жизни.

С наилучшими пожеланиями, брат Виктор Слепцов.
18 ноября 2004 г.

P.S. В 2007 году в Винницкой тюрьме произошло знаменательное событие — крещение истинных поклонников Иеговы Бога. Виктор Слепцов, а также некоторые другие заключенные приняли водное крещение. Как же радуется наш Создатель, а также множество других духовных созданий на небе, что эти люди посвятили свою жизнь Иегове. Благодаря милосердию нашего Творца, их грехи прощаются, и теперь они могут служить нашему Богу с чистой совестью. (Ис. 1:18)

18 февраля 2022 в 14:07

II

* * *

Три срока... два побега...
И вот четвёртый срок,
Где альфа и омега
Преподали урок.

Злой голос прокурора
И приговор судьи —
Надолго спрятать вора
В колониях тайги.

И снова по этапу
Посажен я в вагон,
Где не снимают шляпу
И где один закон.

В столыпинском вагоне
Решётки и конвой,
Селёдка в рациионе
Да чёрствый хлеб с водой.

Во всех таких вагонах
Уюта вовсе нет —
Те ж лычки на погонах,
Открытый туалет.

Не отвечая зэкам,
Но слыша шум и гул,
Вновь воду по отсекам
Разносит караул.

На сердце боль, тревога,
Куда везут меня?
Взываю всуе Бога,
Молясь на склоне дня.

Скорей бы мне на зону,
Скорей для пацана.
Там каждому погону
Поставлена цена.

Там есть свои понятия
И каждый знает, что
Фактически мы братья,
Хотя мы здесь никто.

И вновь начало срока
И нет ему конца —
Нет денег у порока,
Нет граней у кольца.

Но чувствую и знаю,
Что посреди дорог
Всегда есть место Раю,
Где пребывает Бог.

Где можно повстречаться
С Вселюбящим Отцом,
И вдоволь пообщаться,
Вернувшись в отчий дом.

* * *

Двенадцать лет... немалый срок,
И мне не досидеть,
Но надо выучить урок
И жить, а не коптеть.

Этапы, тюрьмы, море слёз
И старые друзья,
Их доедал туберкулёз,
И вот он у меня.

Присели, выпили чифирь,
Сыграли в домино,
Там за окном был целый мир,
А здесь внутри темно.

Надежды нет, просвета нет,
Болезнь не излечить.
Одно лишь слово «лазарет»,
Но ты так хочешь жить.

А здесь придётся доживать
И ясно стало мне —
Я сеял то, что должен жать,
И вовсе не во сне.

Скрипит кровать, и ломит бок,
И хочется пройтись.
Всему свой час, всему свой срок
Лететь то вниз, то ввысь.

И я лечу... последний вздох...
Полёт не задержать.
Сосед сказав: «Кажись, подох»,
Накрыл мою кровать.

* * *

Я с криком родился, но молча уйду,
И в темень опустится проблеск былого,
И просто знакомый смолчит на ходу,
А друг загрустит, выпив водки немного.
Ударится птица в чужое окно,
И дождь налетит, и восток отпыляет,
И вспомнит мой друг все, что было давно,
Но что, словно Феникс, из пепла всплывает.
И то, что горело, оставит золу,
А ветер погасит, что прежде светило,
Затихнет округа, облекшись во мглу,
И жизнь вспыхнет вновь на развалинах Б-Ы-Л-О.

* * *

Тает жизнь моя, как снег,
Годы исчезают.
Я забыл, что значит бег,
Если сил нет на побег
И в таких стреляют.
Я решился убежать,
Все-таки свобода,
Но меня смогли поймать,
Привести и наказать
Два военных взвода.
Били все, кому не лень,
Злобно говорили,
Что умру я в этот день,
Буду я, как пыль и тень,
И ремнями били.
День прошёл, а я живу,
Верю я и знаю,
Что я лягу на траву
И, увидев синеву,
Словно снег, растаю.

* * *

Жребий брошен. Убегаю
В неизвестность темноты.
Все уйдут туда, я знаю.
Я сегодня. Завтра ты.

Но пока еще мы живы
И пока не меркнет свет,
Звезды в небе так игривы,
Так красиво всплыл рассвет

Как красивы и игривы
Сядем мы под тенью ивы

* * *

Давали хлеб с червями есть
И постоянно били...
Я не забыл, что значит честь,
Когда все боли не учесть,
А в сердце волки выли.

Я говорил о том, о сем,
Но правду не открыл им.
Вилял, как кот своим хвостом,
И стал для органов врагом,
Хоть малым был и хилым.

Прошли года, я забурел,
Меня частенько били.
Лупасил каждый, кто хотел,
Но после сильно сожалел

У собственной могилы.
А я, по сути, и не жил,
Ведь жили мы, как звери.
Я никого не полюбил,
Хоть был, как конь среди кобыл,
Но ухожу без веры.

Непокоренный? Перед кем?
Такими же ворами,
Что захирели от проблем
И нерешаемых дилем
С тюремными замками.

И я хотел, но я не смог
Идти дорогой света,
Где небо синее и Бог,
А он избавит от тревог
Злодея и поэта.

* * *

Когда я родился, то начал кричать
И в жизни услышал я криков немало.
Корили меня и отец мой, и мать,
Но это лишь было простое начало.
То звали они прибежать и поесть,
То молча журили о двойке и тройке,
И слезно молили не брать тех невест,
В которых увидели склонность к попойке.
А дальше просили не раз и не два
Не пить и не красть... даже плакать устали,
Когда обо мне шла худая молва,
Но слёзы уже на меня не влияли.

Я шел по тропе, словно вол на убой,
И сила буяла во мне и бесилась...
Потом воронок прикатил и за мной,
А дальше вся жизнь колесом покатилась...
Так, в серость окутались будни мои,
И небо упряталось тоже в решетки,
И сердце болело и ныло все дни
С мечтой освежиться чекушкой водки.
А после опять, содрогнувшись, прозреть,
Забыв об этапах, прожарках, разлуках,
Ведь жизнь позволяет немому запеть,
А деду увидеть себя же во внуках.
И я убеждаюсь, что время кончать,
Все бросить и жить по нормальным законам,
Но надо терпеть и с надеждою ждать,
Мотаясь в этапах по тюрьмам и зонам.
И может услышит Всевидящий Бог
Молитвы мои, что во мне зазвучали,
Ведь знает он то, что я мог и не смог,
И даст мне увидеть лазурные дали.

* * *

Пока я сидел, отошла моя мать,
Отца еще раньше не стало,
Жена развелась. Нет детей и внучат,
Что как-то за мной могли бы скучать...
А с возрастом хочется мало.
Тебе пятьдесят. Ни кола ни двора.
Куда же идти без забора,
Когда ты один, а вокруг детвора
Резвится, играя друг с другом с утра,
И смотрит с испугом на вора.

* * *

Зачем смотреть в окно чужое,
Когда есть небо над тобой,
Необычайно голубое
И с белоснежною грядой?
Зачем по-черному ругаться
И самых близких оскорблять,
Когда есть поводы смеяться
И, уважая, помогать.
Зачем считать себя умнее
И продолжать ненужный спор,
Когда с веревкою на шее
Ты должен слушать приговор?
Зачем? Не знаю я зачем,
Имея множество проблем.
Когда весь мир — клубок проблем?
Одно простое слово,
А сколько мыслей
Ведь сердце, что на все готово.

* * *

Меня жара лишает силы,
Я почему-то молчалив,
И птицы вроде приуныли,
Округу грустью напоив.
Все ждут дождя, а он, бушуя,
Меня обходит стороной,
Лиловой краскою рисуя,
Восход и тучи надо мной.
Июльский зной... понятно стало,
Зачем есть холод и жара?
Затем, чтоб сердце ожидало
Чего-то нового с утра.

* * *

Меня жара лишает силы,
Я почему-то молчалив,
И птицы вроде приуныли,
Округу грустью напоив.
Все ждут дождя, а он, бушуя,
Меня обходит стороной,
Лиловой краскою рисуя,
Восход и тучи надо мной.
Июльский зной... понятно стало,
Зачем есть холод и жара?
Затем, чтоб сердце ожидало
Чего-то нового с утра.

* * *

Два голубя вместе влюбились в голубку,
И ревность вошла в неразлучных друзей,
И в битве двоих — бой на смерть, а не в шутку —
Решался вопрос: «Будь моей иль ничьей!»
Пока они бились, она волновалась,
А сокол напал на неё и забил.
Не ссорьтесь, любовь нам от Бога досталась,
А он в каждом сердце её поместил.

* * *

Не грусть меня к себе звала,
Не радость громко мне кричала,
Но жизнь рекою потекла
И тихо-тихо уплывала.
А я стоял и видел даль,
Где аист медленно летал.
Я сделал шаг, свой первый шаг —

И детство в старость прилетело,
А жизнь, как яблоко в овраг,
Упавши, так и не созрело.
Я шел, но вижу не приду
Туда, куда всю жизнь иду.

* * *

Время быстротечно, словно облака,
Что плывут куда-то, нас не замечая.
Жизнь пришла, как гостя, к нам издалека,
Пошумела малость и ушла, рыдая.
Красота витает в белых облаках,
Опадают скалы и крушатся льдины.
Вот и я сегодня на свой риск и страх
Окунусь в былое просто без причины.
Поплыву я в юность телу вопреки,
Ведь во всем есть мера и легко сорваться
В пропасть или яму горестной тоски,
А с нее непросто самому подняться.
Я прошу помочь мне и Творца молю...
И пришла на помощь бабушка Лукерья,
Что, меня окутав в доброту свою,
Помогла лишиться горького безверья.
Есть во всём свобода — главное понять,
Где межа, что делит доброе и злое,
И ее не нужно нам переступать,
Чтобы видеть в тучах небо голубое.

* * *

Я был побит. Пришел домой,
И мне еще попало.
Отец меня учил порой,
Чтоб не казалось мало.
А я ведь жертва кулаков
И дворовых разборок,

Но не хватило мне ни слов,
Ни веских отговорок.
Я получил за то и сё
И мне обидно стало,
Ведь бит я был не за свое,
А просто так попало.
Хотел я из дому бежать,
Куда? Мне не понятно,
Знал... в Магадане покатать
Помогут и бесплатно.
Я размышлял, а время шло
В этапах по Сибири,
Где не всегда царит тепло,
Но ветры, как вампиры.
И вот спустя немало лет,
Поездив по Востоку,
Я старый зэк — авторитет
Без срока и по сроку.
Куда везли? На сколько зим?
Порою все понятно.
Но вот не знал, кем был любим,
Когда вернусь обратно.
Зимой гудели провода,
Зашел к друзьям погреться.
Вернусь домой, не зная когда...
Вернусь... куда мне деться...
Лишь только бы отец был жив,
Да мать была здорова,
Я им бы хату побелил
И жизнь начал бы снова.

* * *

Зачем всю жизнь копал куда-то,
Не видел цель, не знал предел.

Сломались воля и лопата,
Лишь лом был тверд, но туп и цел.
Все мы порою в жизни этой
Живем годами под землей,
Не видя свет, что над планетой
Манит своею синевою.
А мы всё роем и копаем,
Хоть нас пугает глубина,
И прожив жизнь, не понимаем,
Зачем под небом жизнь дана.

* * *

Я жил среди Волков и Змей,
Я жил среди Акул,
И много раз во мрак страстей,
Как с гор стекающий ручей,
Я падал и тонул.
Но, видно, Бог узрел во мне
Какую-то искру,
И в бурях ссор и на войне
Я был, как пишут, на коне —
Не пылью на ветру.
Повеял ветер и погнал
Ту пыль невесть куда,
А я везде Творца искал
И Бога всюду умолял
Хранить меня всегда.

* * *

Я пишу, моя подруга,
О любви своей.
Теплый ветер дует с юга,
Присмирив зверей.

Смолкла даже птичья стая,
И затихло всё.
Но поёт, не уставая,
Сердце лишь моё.

* * *

Падает дождь. Я сижу у окна.
Серо и грустно кругом.
Выпить бы чарку сухого вина
И погулять под дождём...
Звонко чирикнул в гнезде воробей,
Мушку принес он домой,
Что отыскал возле старых дверей,
Чтоб поделиться с семьей.
И описать, как таинственно вдаль,
Молча, плывут облака.
Вроде светлеет... проходит печаль,
И улетает тоска.

* * *

Я не тот, кто был вчера,
И не тот, кто завтра будет.
Закричит петух с утра,
А меня тоска разбудит,
Только я хочу опять
День окрасить синевою.
Все пройдет... пора вставать...
Солнце всходит над горою.

* * *

Когда уже пуста дорога
И много троп, но мало сил.

Прошу Всевидящего Бога
О том, чтоб он меня простил
За дни безверья и сомнений,
За разворованный амбар,
Где я хранил дар озарений,
Что после вынес на базар
И продал там за бормотуху,
Сырки и с чем-то беяши...
Бежал по жизни что есть духу,
Не дав ни капли для души.
И вот конец. Стою у входа.
А может выход то, не вход?
Опять проверка. Час развода.
Пора идти на лесзавод.

* * *

Я взвешен на весах
И найден легче моли,
А пыль в моих ногах
Теперь на антресоли.
И все, что я имел,
Куда-то отлетело,
Оставив не у дел
Беспомощное тело,
Да годы, что теперь
Сплелись в одно мгновенье...
Вот заскрипела дверь,
И я лечу в забвенье...

Да мысли, что теперь
Ужасно докучают...

* * *

Каркнула ворона, полетев куда-то,
Что-то выясняют громко воробьи.
Утром солнце всходит, как бы игровато,
Облако вплетая в волосы свои.
Видно будет жарко. Небо синевою
Радует старушку, что сидит на пне.
Я иду своею узкою тропею,
И пчела о чем-то хочет молвить мне.

* * *

Чему бы грабли ни учили,
Но сердце верит в чудеса,
А синий лоб даёт нам силы
Забуть о том, что нам долбили,
Уча основам колеса.
Оно покатится, доколе
Не встретит яму на пути
И где-то ляжет поневоле
В какой-то яме или в поле,
Сумев покой приобрести.

* * *

Хотел запеть, да горло захрипело,
Хотел сказать, но, кажется, нет слов,
Забилось сердце и заныло тело.
Пришел мой час, а я ведь не готов.
Я не успел ни делом, ни стихами
Творцу небес и людям послужить,
И в синь уплыть под вечер с облаками,
Чтоб утром вновь лазурью засветить.

* * *

Губы исцелованы и измята грудь
В той, с кем повстречаюсь я возле морвокзала,
Чтобы вновь отправиться нам в далекий путь,
Прочь отбросив старое и начав сначала.
На скамейке пристани ждет меня она —
Не в одежде праздничной, а в обычной юбке.
Долгий путь и радостный с той, кто не жена,
Но с которой весело в шалаше и в шлюпке.
Наш корабль отправится через пять минут,
Разом попрощаемся с тем, что было в прошлом,
Наслаждаясь запахом люксовых кают.
С мыслью о возвышенном, а не старом пошлом.
Белоснежно-розовый наш корабль плывет,
Волны тихо плещутся, даль с голубизною.
Есть же те, кто странствует и всю жизнь,
А не только носится со своей мечтою.
Денег нет для странствия? Денег нет, чтоб жить.
Вот и остается лишь, помечтав, напиться
И присесть с подружкой, чтобы покурить
И мечтой бесплатною вдоволь насладиться.

* * *

Я стою у холма с наклоненной плитою.
Кто ты был и как жил? Все покрыто травой.
Только Бог, что всегда восхищался тобою,
Помнил всю твою жизнь и гордился тобой.
Ты погиб, отдав жизнь за просторы Отчизны,
Но забыт, несмотря на заслуги твои.
Только Бог возвратит тебя к праведной жизни,
Воскресит не для войн, а для вечной любви.

* * *

Сорок лет тому назад
Я был арестован,
Шутки плоские наряд
Часто молвил невпопад,
Будто околдован.
Только наш Отец и Бог
Все сумел предвидеть
И всем узникам помог,
Проходя через острог,
В небе Бога видеть.

* * *

Ты никогда не сможешь быть моей,
Ведь твоё сердце отдано другому,
Но ты зовёшь меня среди ночей
В полет к небесному, а не к земному.
Хоть труден путь, но выбор небольшой,
Ведь ты одна была и есть лишь тою,
Кто смог меня возвысить над землей
И унести с воздушною волною.

* * *

Идя по дороге подъемов и спадов,
И где-то споткнувшись, а где-то упав,
Я понял, что жизнь, кроме праздных парадов,
Полна дней печали и грустных забав.
Я понял и в небо глаза поднимая,
Увидел не серость, а синь высоты.
Куда-то летела гусиная стая,
И я улетал с ней к вершинам мечты.

Я понял и, в небо с надеждою глядя,
Опять я споткнулся и снова упал,
И молвил: «Надюша иль попросту Надя,
Прости, если сможешь»... и я замолчал.

* * *

Кто-то имеет свой дом,
Кто-то его прокутил.
Бык остаётся быком,
Сколько б наград ни носил.
Сколько б богатств не сумел
Он прикарманить тайком,
Есть в каждой жизни предел —
Бык остается быком.

* * *

Малинового зарева не видел я давно.
Оно вплелось полоскою в величие заката,
Что заискрил, как красное молдавское вино,
И усмирил все горести убитого солдата.
Слетела стая воронов на этот жуткий пир
И колошматит яростно безжизненное тело.
Ему бы жить до старости, да жаден этот мир,
Он жертв безмерных требует, сжирая их всецело.

* * *

Я Никто и звать меня Никак,
И таким я для тебя остался.
Ты в мечтах имела Кадиллак
И прекрасный принц с тобой катался.

Ну, а я был просто бедняком,
Что любил тебя не за фигуру,
А за что? Не ведаю о том —
Просто влип, как говорится, сдуру.
Все пройдет, и боль пройдет во мне,
И с годами, стоя у причала,
Может, вспомнишь, как ты по весне
С тем Никак к созвездьям улетала.

* * *

Почти то же, но не то же.
Почти правда — это ложь.
Будь ты в луже или в ложе,
Но всю правду не поймешь.
Почти муж — не муж на деле,
Ведь он просто ухажер,
Кто находит сладость в теле,
А семья и сор, и вздор.
Почти верной называть бы
Я хотел жену свою,
Что была такой до свадьбы,
А теперь гудит всюю.
Нам порою обещают
Путь в мир сказки и мечты,
Но мечты все исчезают,
И опять обманут ты.
В эти два простые слога
Вложен смысл и боль обид...
Только нет п о ч т и у Бога,
Что без устали творит.

* * *

Моя звезда невольно угасает
И улетаёт молча в темноту.

Что я нашел? Лишь Бог правдивый знает.
Он видел все — реальность и мечту.
И вот теперь, когда звезда упала
И в неизвестность ярко летит,
Я так хочу начать всю жизнь сначала,
Да видно поздно что-то изменить.
А впрочем, старость нам дает утеху,
И в слабом теле дух рождаться стал...
Я жил... живу... а значит больше смеху,
Ведь я нашел, что вовсе не терял.

* * *

Не спорьте попусту с Ослами,
Общайтесь с теми, кто сумел
Свой ум украсить не словами,
А целым рядом добрых дел.
Не спорьте попусту с безумным,
Кто «Мы» давно сменил на «Я»,
Себя считая самым умным
На всех ступенях бытия.
Не спорьте попусту и с теми,
Кто правит целою страной,
Ведь результат — одни проблемы
И дело кончится тюрьмой.
Не спорьте. Будьте вы умнее.
Зачем с веревкой жить на шее?

* * *

Одинокость меня погубила,
Я лежу у закрытых дверей,
И тоска, что ко мне приходила,
Не пускает врагов и друзей.

Видно надо меняться, но ныне
Не пойму, как начать и когда.
Я иду будто вновь по пустыне,
Но не знаю, зачем и куда.

* * *

Облако застыло над крутым холмом,
Озарились дали васильковым цветом.
Снова я увидел мать мою с отцом,
Что опять приснились мне перед рассветом.
Жизнь течет, напомнив маленький ручей,
Что бежит куда-то тихо или звонко,
Но затих, укрывшись посреди камней,
Как и мы, узнавши про инфаркт и онко.
Думал, что промчатся скорби стороной,
Я ведь уникален, нет такого в мире,
А теперь подходит очередь за мной
В этой полутемной и сырой квартире.
Оглянувшись, вижу детские года,
Небо голубое и цветные дали,
А теперь: «Подайте милость, господа!»
И покрыто небо серостью печали.
Платят все за что-то. Заплатил и я —
Юностью за клеткой, ценными годами.
Где теперь остались верные друзья,
С кем гулял и грабил темными ночами?
Всех их разбросало. Кто уже в земле
Иль загрызли волки на таежных тропах.
А ведь мы мечтали в холод о тепле
И в стране закрытой — о своих Европах.
Вижу, что напрасно прожил жизнь свою.
Жаль, но что поделать? Поздно для возврата.
Только есть надежда — даже на краю
Видеть в небе солнце, а не грусть заката.

* * *

Я хотел написать о любви безраздельной
И о днях, что ушли неизвестно куда.
Только сердце болит, как от раны смертельной,
Что терзает не дни, а терзает года.
Были двое одним и повсюду летали
То к звезде, пролетевшей над старым прудом,
То опять на восток, где зарницы сверкали
И манили безмолвным и радостным днём.
Снова вспомнились мне те далекие годы,
И глаза, что без слов говорили тогда.
Интересно, зачем так звенели восходы
И куда одиноко летела звезда?

* * *

Когда печаль вернется снова.
А я, как старая тоска,
Опять простить ее готова,
Узрев её издалека,
Ведь мы подруги по несчастью,
Когда льет дождь уже с утра
И ломит кости мне к ненастью,
А у дверей стоит хандра.

* * *

Бежевым покрыты горы и поля,
Отзвуки заката небо озарили.
Кажется, так счастлив не был в жизни я
Там, где мы с тобою, радуясь, ходили.
Отгорел пред нами бежевый закат,
Потемнело небо на краю, у сада,
В жизни я так не был счастлив и богат,
Видя, что сегодня ты безмерно рада.

* * *

Взлетал я с облаками
И уплывал с грядой
Туда, где волны сами
Ждут встречи со скалой,
Где, плача, инвалиды
Расставят все над «и»
Вчера от злой обиды,
Сегодня — от любви!

* * *

Украсила небо гряда облаков,
Что странствуют тихо по свету,
Оставив весне ароматы цветов,
А запахи пряные — лету.

Багряная осень получит свое —
Плоды и траву с желтизною,
Что будет искать для себя воронье
Холодной и снежной зимою.

* * *

Разукрасилась деревня,
И зацвел мой сад.
Облачились все деревья
В розовый наряд.
Даже небо засветилось
Яркой синевой,
Потому что мне приснилось —
Ты была со мной.
И с тобою мы бежали
По густой траве
И, как ласточки, взлетали,
Тая в синеве.

Майский ветер, поднимая,
Нас куда-то нес.
Щебетала птичья стая,
Сев на абрикос...
Годы быстро отзвенели,
Но запомнил я,
Как мы с птицами летели
В дальние края.

* * *

Когда вернусь домой не страшным инвалидом,
И обниму сестру и поцелую мать,
Пойму, что в жизни я считался индивидом,
Но личностью меня никто не мог назвать.
Я первым иль вторым был в строе на разводе,
Но доброму меня никто не научил...
И вот бомбят опять, а я молюсь, и вроде
Меня услышал Бог и, кажется, простил.

* * *

Чем живы, тем богаты,
И нам не привыкать
Со стукачом быть в хате
Иль на этапе спать.
Здесь крепкие решетки
Засалены давно.
Конвой за чьи-то шмотки
Готов открыть окно,
Чтоб воздухом свободы
Могли мы подышать

И вспомнить жизнь в те годы —
Свой дом, отца и мать.
Пока же остановка,
А там далекий путь.
Сижу, скрутившись ловко,
Хочу чуть-чуть вздремнуть.
Но дернулись вагоны,
И покатил состав,
Проснулся... снились зоны,
И вновь заныл сустав.
Засалено белье
Во время переклички
Почувствовать облом,
Когда повсюду лычки,
Да желтизна погон.

* * *

Любовь не костер, все же может остынуть
Без дыма и искр, что куда-то взлетят,
Лишь волны тоски за прошедшим нахлынут,
И чувства, как прежде, зажгутся опять.
И вновь о любви скажут что-то поэты,
И песни споют, и покажут в кино,
Но вновь возгорят для влюбленных рассветы,
Но вновь не сгорит то, что Богом дано.

* * *

Проходит день, а нечего припомнить,
Лишь только дождь без устали стучит,
Как будто хочет свой мотив запомнить
И мне зачем-то снова повторить.

* * *

Пора... Не знаю что и как,
Но ощущаю я и верю,
Что в жизни все не просто так,
И мудрость выбросит дурак
В пустой бочек, что был за дверью.
И скрипнет дверь под тот мотив,
Что слышал я, не понимая,
И лишь под старость, жизнь прожив
И ценность жизни ощутив,
Иду к Всевышнему, хромая.

* * *

Туман. Лишь иногда вороны
Над нашей крышей пролетят,
Окрасив черным даль и кроны
У тех деревьев, что у зоны,
Как в дымке сказочной стоят.
Бежать в такую непогоду
Пожалуй, можно, но куда?
Ведь там, где празднуют свободу,
Что дали бедному народу,
Опять господствует беда.
Здесь я привык... своя охрана,
Нет суеты и свой покой,
Лишь иногда занает рана,
Как у больного ветерана,
И сердцу хочется домой.
Хоть голова седую стала,
И пролетели день за днём,
Хочу я жизнь начать сначала,
Чтобы душа к Творцу взлетала,
А грусть осталась с вороньем.

* * *

Глухая ночь и пахнет всюду мятой.
Шуршит у норки алчущий зверек.
Луна горит над побуревшей хатой,
А я, как перст, и стар, и одинок.
Не спится мне, и в сердце что-то ноет,
Болят нога и хочется вина,
А душу стих надорванный раскроет
И вновь свернет, не показав сполна.

* * *

Все заросло на могиле,
Все заросло.
Камни могильные в иле
Бурей снесло.
Стерты фамилии, даты
Тех, кто на бой
Тихо, как в темень солдаты,
Шли на убой.
Было, давно это было,
Только теперь
Что-то под сердцем заныло —
Боль от потерь.

* * *

Когда ты споткнулся, упал и лежишь,
И сердце своё изливаешь пред Богом,
Весь мир затаился, и странная тишь
Даёт тебе шанс всё поведать о многом.
И ты излагаешь проблемы свои,
И горечь твоя разлетелась, как стая,
А ты, поднимаясь, паришь от любви,
Ликуя внутри, всех любя и прощая.

* * *

Много написано — сказано мало,
Где-то конец, ну а где-то начало.
Сказка не жизнь, но урок снова дан —
Глупый всегда, как пустой барабан.
И не услышав ни плача, ни стона,
Будет он бить в барабан ради звона.
Жаль мне, что в жизни — тосклив он иль рад, —
Будут удары его невпопад.

* * *

Убежал бы давно, только силы уже маловато,
И куда мне бежать, если всюду сплошная тайга,
А статью за побег посчитают с упреком, «как надо»
И продлят лет на пять старый срок за такие бега.
Потому я молчу, понимая нелепость побега,
Но так жажду рискнуть и не важно, куда убежать.
Будь что будет, а там больше б выпало хрупкого снега,
Чтобы на ночь под снег, как в пещеру, я мог залезать.
Выпал снег и летит, все пути на земле заметая,
День свободы милей за бетонные стены тюрьмы.
Я бегу... только вот — лай собак, и мне страшно от лая...
Грянул выстрел, и я улетаю в объятия тьмы.

* * *

Сердце и Разум не знают покоя,
Вечно о чем-то галдят,
Вот и сейчас после драки и боя
Машут руками опять.
Вижу, что ссора начнется сначала,
Надо куда-то спешить,
Но так Душа от раздоров устала,
Что ей не хочется жить.

* * *

Во мне два сердца вечно бьются,
В одном желанья кипят,
В другом — потоки тихо льются
И ввысь с надеждой глядят.
И в той борьбе бескомпромиссной
Я то взлетаю в синеву,
То, словно лист широколистый,
Беззвучно падаю в траву.

* * *

Когда тепло уходит и осень за окном,
Мне очень жаль поэта, умершего с пером,
Он дописать поэму, увы, таки не смог,
Но описал, как вышло, свой мир во тьме дорог.
И заплутав в потемках, он искренне признал,
Что не узрел просвета и в мраке умирал.
Но на своей дороге поставил он кресты
Для тех, кто будет позже, а будем Я и ТЫ.
Не зная тех, кто будет, возможно, Я и ТЫ.

* * *

Я верю и я знаю,
О чём и говорю —
Я внешне истлеваю,
Но внутренне горю.
И в том круговороте
Морали и страстей
Я будто на работе
Железо бью сильней.
Огонь смилив водою
И закалив металл,

Стаю самым собою,
Хотя ещё не стал.
Но верю я и знаю,
Что в той моей борьбе,
Ползу, иду, шагаю
Я к Богу и к Себе.

* * *

Война не кончалась... все длилась и длилась,
И кровь, проливаясь, ручьями катилась,
Но верили люди, страну защищая,
Что жизнь станет лучше, жизнь будет иная,
И все заживут наконец по-другому,
Вернувшись к любимым, к отцовскому дому.
Надежда и вера навеки сплелись,
Да жизнь покатилась с горы, а не ввысь.

Все та же убогость, лишь сад белым цветом
Надежду дал снова увидеться с летом.
Напомнил о встрече с любимой под стогом,
Забыв обо всём — о земном и убогом,
Ты веришь, что зло не случится с тобою,
Пока ты живешь и все дышит весною,
А в небе горит бирюзовый рассвет,
Окрасив дорогу в малиновый цвет.

Но верить — не грех, даже если в пустое,
Безверье страшит, как ущелье глухое,
А ты на краю... Один шаг и паденье...
Куда? Неизвестно. В ущелье? В забвенье?
Там павшие вниз, закричав, замолчали,
Лишь звезды над ними все также мерцали.
И головы близких блестят сединой,
И это не связано только с войной.

А жизнь потекла по коварным ухабам
И девушек стройных причислили к бабам,
Что будут рожать для войны и для блага
И ради цветов ярко-красного флага.
Победа за нами, за правое дело —
Вперёд и боритесь бесстрашно и смело,
И Родина вас не забудет вовек,
Но только не старых, больных и калек.

* * *

Сегодня в гости Глупость приходила
И напоила сладостным вином...
Я ей на плечи руки опустила
И, словно в танце, лихо закружила,
Смеясь и споря с кем-то ни о чем.
А дальше что? Не помню. Ночь настала.
Очнулась я, в чем мама родила,
И горько плача, я тихонько встала,
Свою одежду где-то отыскала,
И дверь закрыв, печальная, ушла.

* * *

Если ты учишь других, не учась,
Если душе твоей холодно летом,
Значит слова, что ты молвишь сейчас,
Вряд ли взволнуют когда-нибудь нас,
Просто напомнят о том и об этом.

* * *

Удар судьбы всегда опасен —
Не знаешь, кто, когда и как.
Но вот удар, и враг твой ясен,
И понял ты, что ты дурак.

А дальше что? Как жизнь сложится?
Упал? Вставай и уходи
Туда, где луч любви струится,
Туда, где счастье впереди.

* * *

Раны заживают, шрамы остаются
Там, где было больно, там, где был порез.
Так и в нашей жизни люди расстаются,
Оставляя в сердце внутренний надрез.
Время все залечит, но не все исправит,
Пылью не покроет горечь от обид
Там, где ложь и мерзость над другими правит,
Там, где боль тупая не огнём горит.
Жизнь пройду тропинкой вниз или на гору,
Заколышет ветер чувства, как листву,
И прошу от сердца драчуну и вору,
Чтобы снова в небе видит синеву.

* * *

Мои мечты, как облака.
Куда уносит их?
Пишу стихи, но лжет строка,
Когда уставшая рука
Ее утискает в стих.
Но цвет и форма облаков
Изменит лик порой.
Так и любовь, как дух стихов
И запах шипровых духов
Витают надо мной.
Забыты рифмы и мотив,

Но память дарит мне
Твой взгляд, что нежен и глумлив
И так мне мил, и так красив,
Что тает в вышине.

* * *

Отсидел... И вот я выхожу.
Никого. Стою и жду трамвая.
И теперь, куда ни погляжу,—
Всюду жизнь какая-то чужая.
А куда идти? Никто не ждёт.
Только участковый точно знает,
Что я вышел и жильё найдёт,
И на стройку вновь меня направит.
Вот стоит старинная тюрьма,
Что познала боли и страданья,
Помня тех, кто вдруг сошел с ума
В одиночке в годы ожиданья.
Хоть проси тюрьму к себе принять,
Ведь я столько пробыл в казематах,
Что готов туда придти опять,
И лежать на истощенных матах.
Скуден пусть назначенный паек,
Но общенье выстояло годы.
Жаль, что вышел мой тюремный срок,
Вышел я, но не видать свободы.

* * *

С печалью смотрю в уходящую даль,
Волнуюсь, взирая вперёд.
Уходит волнение, обнявши печаль,—
И алым зардел небосвод.

А что же сегодня случится со мной?
Не знаю, но чувствую я,
Что сердце и душу охватит покой,
И день осчастливит меня.

* * *

На что я трачу жизнь свою,
Когда смеюсь или рыдаю?
А для чего живу? Не знаю.
Я слез в душе не утаю,
Когда пред зеркалом стою,
И холод в сердце ощущаю.

И все же я себя спросил:
«Куда я вез с утра телегу
На раздорожье гнал по снегу,
И лошадей кнутом лупил,
Чтобы узнать, зачем я жил
И где конец езде и бегу?»

* * *

Уходит жизнь, не говоря: «Прощай!».
Но как ее остановить?
Она уходит тихо, невзначай,
Не обернувшись на своем бегу.
Сегодня смысл я понял наконец —
Вопрос не в смерти, а вопрос лишь в том —
Смогу ли я признать, что есть Творец,
Который жизнь нам даровал с Христом.
Не оступись, смотря на небеса,
Иди вперёд, и там увидишь ты,
Как стали явью Божьи чудеса
И как в ту явь вплелись твои мечты.

* * *

Белые горы. Цветет алыча.
Хочется петь и плясать.
Горный ручей, мелодично журча,
Бога зовёт прославлять.
Сердце ликует и жаждет парить
Вместе с грядой облаков.
Снова весна и так хочется жить
В мире стрекоз и цветов.

* * *

На старых могилах ни звезд, ни крестов
Лишь камни одни, что покрылись травой
И нам говорят без каких-либо слов
О бренности жизни под вечной Луною.

Куда-то уносятся дни и года,
И мы, как те камни, травой обрастая,
Уйдём от друзей и родных навсегда
С надеждой их встретить в розариях Рая.

* * *

До последних минут я на пир приглашал
Всех знакомых своих и друзей.
Их впустили, а я, как всегда, опоздал
И стоял у закрытых дверей.
Было шумно, все ели, и пир шел горой.
Все довольны, и рад был и я,
Видя, как веселясь, возвращались домой
Все соседи мои и друзья.
А я голоден был, было мне не смешно.
Надо что-то менять, но зачем?

Чтобы вовремя быть там, где пир и вино,
Чтобы весело было нам всем.
Всё имеет конец и во всём есть предел,
Будь халупа то или чертог.
Но всегда примет тех, кто прийти захотел,
Наш Отец и вселюбящий Бог.

* * *

Плотва с челобитною вышла до Щуки,
Мол всюду корят ее Щукины внуки,
Что свет превратили ей в страшную тьму...
Но Щука Плотву засадила в тюрьму.
И сидя там с Окунем, Сомом, Лососем,
Плотва поняла, что годков так на восемь
Придётся сидеть ей в тюрьме от и до
И надо решить, как уйти по УДО.
Она написала немало прошений,
Раскаяний, просьб и своих сожалений,
Но Щука имела знакомства и вес,
И в спорах всегда был ее перевес.
Плотве дали много советов практичных:
«Писать о прощенье в прошениях личных...»
Но годы текли, а ответ был такой:
«Не ссорься со Щукой, родившись Плотвой».

* * *

Без меня меня женили
И женили на немой.
Мы счастливо вместе жили,
Нас повсюду все хвалили,
Говорили: «Я святой».
Счастье строится годами
И зависит от людей.

Его строят не руками,
А влюбленными сердцами
Среди бури и страстей.

Жизнь, как море, бьет волнами —
Войны, смерти и хандра.
Всё проходит вместе с нами.

* * *

Отгорела осень желтым переливом,
И опали листья стройных тополей.
Разгулялся ветер над крутым обрывом,
И в кустах малины чиркнул воробей.
Что ему там надо в эту непогоду?
Мог бы под навесом в гнездышке сидеть.
Но без воробьихи, что пошла по воду,
Можно от бессилья просто одуреть.
Так и муж ревнивый ходит по округе,
Ищет ту, с которой он построил дом,
И гонимый мыслью о своей подруге,
Бродит, взыв от боли, под косым дождём.
Да куда-то делась воробьиха.

* * *

Что-то грустно мне вновь, и печаль неземная,
Заиграть бы кадрили, только струн в скрипке нет.
Видно осень меня, словно лист, обрывая,
Вдаль несет, желтизною окрасив рассвет?

* * *

Опускаю шторы
И ложусь в кровать,
В синие просторы
Я хочу взлетать.

С чайками не споря,
Я туда летал,
Где середина моря,
Где девятый вал.
И борясь с ветрами,
Смог я осознать —
Тех, кто под волнами
Нам не отыскать.
Но, дрожа от грома,
Вдруг я ощутил
Мир родного дома,
Где с родными жил.
Штормы не страшили,
Холод не вспугнул.
Мы ведь победили,
И я вновь уснул.

* * *

Я шёл беззаботно и в небо смотрел,
Но яма попалась на скользкой дороге,
Я ногу сломал и безмерно жалел,
Упав так бесславно на Божьем пороге.

* * *

Спотыкаемся мы не о горы и скалы,
Спотыкаемся мы о камень в пути,
Что порою мы сами их в ближних бросали,
А потом через годы пришлось нам найти.
Есть причины всему, что случается с нами —
Что-то видно, а что-то уже не узреть
Там, где мы по дороге бросались камнями,
Там, где разум сумел вспомнить все и прозреть.

И идя в темноту безнадежно усталым
Каждый вспомнит, что было, и что-то поймёт...
И другой человек, став над холмиком малым,
Бросит камень на холмик, что в землю вращет.

Каждый смертный поймёт, что добро, а что зло.
И вот камень был брошен над холмиком малым,
Где с годами травую все заросло.

* * *

Надгробные камни смущают меня
И молвят, что жизнь коротка,
Ведь мне не вернуть ни вчерашнего дня,
Ни вспять повернуть облака.
Сегодня, увидев обилье могил,
Я вспомнил Христовы слова,
Что он своей верой весь мир победил,
И в нас его вера жива.

* * *

Какой бы ни был разговор
Всегда есть тот, кто кончит спор.
Вчера я начал спорить с ней —
Подругой юности моей.
И вот сижу, как тот бобыль,
Повсюду грязь и всюду пыль.
А жизнь — она, как тот ручей,
Что тѣк и высох возле пней.

* * *

В разгаре июль. Запылилась дорога...
Хоть замерло все от несносной жары,

Сухой стебелек ветер вырвал из стога
И бросил бесшумно у склона горы.
Уснула под веткою божья коровка,
Ни птиц, ни жужжания пчел над травой,
Лишь солнце из облачка выбралось ловко
И небо укрыло опять синевою.
Под вечер пробудится лес за горою,
И шмель, желтизною окрасив свой бок,
Жужжа, отлетит со своею пыльцою
И сядет устало на новый цветок.
И юной пчеле уступая дорогу,
Он позже приляжет в уютном дупле,
И славу воздаст Всемогущему Богу
За радость родиться и жить на земле.
И вновь полетит к пожелтевшему стогу
Навстречу к его полюбившей пчеле.

* * *

Не говори ни «да», ни «нет»,
Не говори, я всё пойму.
Твой взгляд подскажет мне ответ,
И я его всегда приму.
Твое желание — закон
Для тех, кто любит и влюблен.
Не говори... молчанье нам
Подскажет больше и ясней
Не доверять любым словам,
А сердцу верить, что сильней
Стучит и требует ответ
На твой вопрос: «Так да иль нет»...
Во все века, в стране любой
Любили люди и страдали —

В одних любовь текла рекой,
В других — все молнии сверкали.
Но знали мы, что все пройдет,
Лишь чувство буйно расцветет.

* * *

Ночь. Зима. Поля под снегом,
Все дороги замело.
Месяц светит над орехом.
Все вокруг белым-бело.
Не кричат в лесу вороны,
Жизнь затихла. Звери спят.
Только яблони и клены
Вдоль дорог одни стоят.
Только мне опять не спится,
И как месяц молодой,
Я хочу к тебе стремиться
И повсюду быть с тобой.
Между нами пропасть — годы,
Пылкость юности прошла.
Покрывая все невзгоды,
Снова вьюга замела.

* * *

Две лестницы вели на гору —
Чужая чья-то и моя.
Я взял чужую. Думал впору,
Но вышло всё не для меня.
Она казалась мне надежной
И легче лестницы моей,
Но часто мысль бывает ложной,
Как крик неведомых зверей.
Я взял свою и, поднимаясь,
Увидел в небе синеву.

И так увлекся, оступаясь,
Что полетел опять в траву.
Вся наша жизнь — одни паденья,
А за падением подъем.
Ищи себя в час восхожденья
И в час, когда трава кругом.

* * *

Вновь жизнь и смерть стоят у дома,
Давно враждуют, но теперь
Лежу и знаю — снова кома
Вошла без стука в мою дверь.
А я все слышу, понимаю,
И рассказать хотел бы, но...
Но я беззвучно умираю
Не так, как видеться в кино.
Проходят дни, порой недели,
А я молчу и вижу, как
Меняют простыни постели,
Вертя меня и так и сяк.
Что значит жить и, не болея,
Шутить, ходить, а не лежать.
Медсестры смотрят, сожалея,
Меня желают поддержать.
И снова пролежни и боли,
И нет им, кажется, конца...
Как жаль, что нет ни сил, ни воли
У заболевшего юнца.

* * *

Туман окутал дали,
Деревья и кусты,

И в образе Печали
Ко мне явилась ты —
С зелеными глазами,
Склоненной головой
И хрупкими плечами
Под черною косой.
Но красота не в этом,
А в сердце, что внутри
Сверкает ярким светом
Малиновой зари.
Под крышей вековую
Ютится воробей,
Затосковав со мною
За спутницей своей.
Закаркали вороны,
Прощаясь с ноябрем,
И пожелтели клены,
Склонились под дожем.

* * *

Будет лето... еще будет лето,
Если мы до него доживем.
Что-то в сердце зимою задето,
И декабрь закружил с январем.

Неизвестность... Стою на дороге,
Но куда мне идти без Творца?
Затрещала сорока в тревоге,
И кричит воронье без конца.

* * *

Среди холмов, где вверх стремятся ели,
Где среди трав стрекозы и шмели,

Текут ручьи, где мы с тобою пели,
И где любовь, как дар земной, нашли.
А на вершине в буке, что ветшает,
Пробилась ветвь зеленым стебельком,
Ведь жизнь есть в том, что явно угасает,
И вновь приходит с маленьким ростком.
Так и любовь, порой угаснет с бытом,
Но вспыхнет вдруг и позовет опять
Напомнить нам о чем-то позабытом,
Что жаждет вновь, горя, не угасать.
И пусть зима укроет снегом белым
И всю траву, и желтые листки.
Года летят, но с чувством потускнелым
Мы станем вновь, как никогда, близки.

* * *

Не опишу стихами
И в прозу не вмещу
Тропинку между нами,
Которую ищу.
Она везде плутала
И в поле повела,
Где мятой прорастала
У нашего села.
А мы, смеясь, бежали
И рвали мяту ту.
Её в венок вплетали,
Как в звездную мечту.
Но время пролетело,
Меняя все кругом,
И поле пожелтело,
Забыло о былом.

Лишь мне все так же снится
Тропинка у села,
Хоть снег ковром ложится
И даль белым-бела.

* * *

Я не хочу быть самым главным,
Я не иду на компромисс,
Чтоб быть смешным или забавным
Среди актеров и актрис.
Я не хочу лететь за ветром,
И быть послушным, словно пыль,
Когда другие метр за метром
Шагают в призрачную быль.
Я не хочу... но что желаю,
Устав от вечной суеты,
Когда, как в бездну, улетаю
В объятия страшной темноты.
Где безысходность, там потеря
Всего, чем жил и что любил,
Имея слабости, но веря
В того, кто мир сей победил.
Кто дал надежду, умирая,
И показал своим путем,
Как все на свете побеждая,
Идти за Господом Христом.

* * *

Давно прошла весна, и осень на исходе,
Сижу я у окна, но нечего сказать.
Давно уж отцвели все розы в огороде,
И мой ветшает взгляд, и не могу читать.

Поэтому возьму перо и лист бумаги,
И первую строку я напишу о том...
Ну, а пока сижу и вижу лишь овраги,
Что снова заросли каким-то бурьяном.

* * *

В осиновом лесу иль в захудалой роще
Присел я на пенек и рассуждал о том,
Что все не просто так, а все намного проще,
Когда идешь один по полю босиком.
Вот заяц проскакал у высохшей осины
И побежав, что сил, укрылся за травой,
Я тоже ощутил без видимой причины
Желание бежать и скрыться за горой.
А что за той горой? Ведь я не изменился —
Непонятый в себе не отрок, а старик,
Вошедший в жизнь, как в лес, где с детства заблудился
Средь выпивших людей, воспевших мат и крик.
Давно приснился сон — стою пред волчьей ямой,
Вокруг дремучий лес и карканье ворон,
А я, как пастушок, с овечкою упрямой
Иду вперед, крича, невесть о чем сквозь сон.
Уже не снятся сны с лимонною окраской,
Уже нет пастушка с тростинкою в руке.
И жизнь сама теперь не кажется мне сказкой,
А юный принц — старик в измятом пиджаке.
И вот опять в лесу иль в захудалой роще
Прилег я на траву и думаю о том,
Что все не просто так, а все намного проще,
Когда ты видишь смысл в сиянье голубом.

* * *

Не спится... Сон куда-то делся
И подружился не со мной...

Не то поел, не то наелся,
Хоть на дозор иди ночной.
Пришла гроза, пугая громом,
От вспышек молний спасу нет —
То вспыхнет свет над нашим домом,
То дождь колотит в парашет.
Средина ночи... Свет включаю,
Решил о молнии писать...
Ну, а потом я выпью чаю
И постараюсь чуть поспать.

* * *

Ветер затих, и закат отгорел,
Темень окутала нас,
Но никогда месяц так не блестел,
Как в эту ночь, в этот час.
И отраженье сиянья светил
Было во взоре твоём,
И этот взор небеса озарил
Розово-алым огнём.
Радость изведать нам всем суждено,
Лишь бы её сохранить.
Счастье с годами, как в чаше вино,
Можно без усталости пить.
И, охмелев от взаимной любви,
Верю жить мы должны,
Чтобы с годами все чувства свои
В явь превратить, а не в сны.

* * *

Ночь... опять я один и сижу на постели...
Для чего я живу? Что оставлю живым?

Жизнь моя, как фитиль, тлеет вновь еле-еле,
А бардовый рассвет растворился, как дым.
Много разных идей, много мыслей и мнений...
Много слов, много фраз... не понять наяву
Суть незримых вещей и шальных озарений,
Что пришли и ушли, улетев в синеву.

* * *

Опять не та — пуста дорога...
Куда ни кинься — тупики:
То ночевать пришлось у стога,
То залезать на чердаки,
То пробираться по подвалу
И лезть в фойе через окно,
И вновь поспать идти к вокзалу,
Где жизнь не схожа на кино.
Опять не те друзья и жёны,
Не те соседи и враги,
Когда везут тебя вагоны
В объятья ночи и тайги.
Ты жаждешь всё начать сначала,
Но всё не то... не та... не те...
Вот покатишься и упала
Звезда в кромешной темноте.
Так всё проходит, отлетает...
Но существует вечный Бог,
Который видит всё и знает,
Что мог ты сделать, но не смог.

* * *

Время прошло... были кони и сабли,
Сено, солома и воз у избы...

Но наступаем мы снова на грабли,
И синяками украсились лбы.
Время прошло... только те же проблемы —
Старость, болезни и смерть... а пока
Все разговоры на вечные темы —
Деньги, любовь, да игра в дурака.

* * *

Всё в этом мире непрочно и тленно,
Всё исчезает порой,
Только Создатель любви неизменно
Будет повсюду с тобой.
Время пройдёт, и твой след запылится,
На перепутьях дорог,
Там, где полынь среди трав серебрится,
Там, где позвал тебя Бог.

* * *

Мне давно уже не снилось,
Как вечернею порой
Солнце за море скатилось
И смеялось надо мной.

Унеслись куда-то тени
И исчезли в темноте,
Только запахи сирени
Полыхали на кусте.

Я проснулся на рассвете
Всех целуя и любя,
Только в розовом отсвете
Не увидел я тебя.

Всё поблекло, посерело
В ожидании дождей,
Только сердце вновь запело,
От большой любви твоей.

* * *

Вечер опустился, звёзды запылали
За горой погасли отголоски дня.
На скамейке двое о любви мечтали,
А любовь-то рядом, греет без огня.

Возвратить бы юность с розовым рассветом,
Рассказать о чувстве робком и смешном,
Но пока... как в сказке, пахнет всюду летом,
А весна стучится в сердце лишь моём.

Отгорят закаты над травой измятой,
И укроют листья ветхую скамью,
Мне напомнив снова о душице с мятой,
О любви, что душу трогает мою.

* * *

Всё, что знаю, имею
И тебе подарю —
Ожерелье на шею,
Голубую зарю.

Под черёмухой старой,
В окружении льна
Мы присядем с гитарой,
Охмелев без вина.

И под небо взлетая,
Что горит синевой,
Понял я, что другая,
Не сравнится с тобой.

Я спою под луною
О любимой моей.
И в кустах за горою
Запоёт соловей.

* * *

Серебряный дождь и багровые дали,
И вы постучали в окно...
«Простите меня... Вы, наверно, не ждали...»
«Ну, что вы... я жду вас давно».

* * *

Листва пожелтела, морозы настали,
И дни пролетели мои.
В саду отцветают, как розы, печали
Моей уходящей любви.

Откуда пришли и куда улетели
Те чувства, что были тогда,
Что вверх поднимая, звучали и пели,
Но бросили вниз навсегда.

* * *

Разгулялся ветер на созревшем поле,
Разлетались пчёлы, осы и шмели,
И восход узоры выткал поневоле,
Расписав просторы неба и земли.

Загорелись маки ярко-красным цветом,
Васильки сверкнули синим у межи.
Всё вдруг запылало этим жарким летом
И цветы пьянили, спрятавшись во ржи.

Где-то каркнул ворон, чтобы перепёлки
В небе закружили и смогли запеть,
Оживляя пеньем нивы и просёлки,
А потом на поле тихо залететь.

* * *

Рука в руке, а кажется весь мир
Вдруг закружился, падая куда-то,
Как падает поверженный кумир,
Лицо о землю пряча виновато.
Всему свой срок, но срока нет в любви,
Она проходит с правом возвратиться,
Как солнце всходит на круги свои,
Чтобы опять внезапно появиться.
Рука в руке — два сердца, как одно,
Глаза в глаза... и кружится планета,
И взор пьянит сильнее, чем вино,
И ночь светла без солнечного света.

* * *

Мне кажется, кто-то стучится в окно...
Ни ветер, ни вьюга, ни дождь и ни град.
Входите быстрее... я жду вас давно,
И видеть сегодня несказанно рад.
Но мне показалось, и вы не пришли,
И грусть опустилась вуалью цветной,
Но, кажется, розы везде отцвели,
А звёзды погасли ночью порой.

* * *

Где та, которую любил я,
Когда, взлетая в синеву,
Я опускал, как птица, крылья
И падал в сочную траву?
Где та, которая порою
Могла, как зарево гореть
И, вспыхнув алою звездой,
Через столетья пролететь?
Где та, с которой не расстаться
На перепутье трех дорог,
Там, где мы шли, и улыбаться
Могли прохожие и Бог?

* * *

Если время придёт полюбить,
Если время придёт ненавидеть.
Я пойму, как мне надобно жить,
И не только смотреть, но и видеть.
Чтоб заметить твою красоту
И величие и благосклонность —
Там, где жизнь превращает в мечту
Всё сомнительное и обречённость.
Да, я раб, раб великих страстей,
От которых безмерно страдаю,
Словно плод среди голых ветвей,
На которых висеть не желаю.
Полечу в недоспелости я
И укроюсь измятой травой,
И забудут другие меня,
Обливая холодной росой.

Путник, жажду сумев утолить,
Лишь об отдыхе сладком мечтает.
Вот и время пришло полюбить,
Только сердце любить не желает.

* * *

Кто ты, которого люблю я
И о котором говорю,
Когда, от радости ликуя,
Вплетаюсь в алую зарю?
Кто ты, которого когда-то
Не знал, а зная, ощутил,
Когда от боли виновато
Я, как слепой, во тьме ходил?
Кто ты, который, прикасаясь,
Меня возносит наяву,
Когда я, плача или каюсь,
Смотрю с надеждой в синеву?
Кто ты, в котором ощущаю
Твоё величие во всём,
Кого к сочувствию взываю
Бессонной ночью или днём?

* * *

Расцвела черешня возле старых ив,
Постоим, посмотрим на цветы и ивы...
Никогда так вечер не был молчалив,
Никогда так звёзды не были красивы.
Если убежать мне в жизни суждено, —
Хоть за сини горы, — убегу с тобою,
Но пьянит черешня больше, чем вино,
И уносит ветер нас волной хмельною.

* * *

Куда приведёт меня эта дорожка
Средь тысяч дорожек на долгом пути?
Пора отдохнуть, отдохнуть хоть немножко
И снова без усталости дальше идти.
Она исчезает в болотистой тине,
Вплетая себя в ту одну из дорог,
Что тянется, тянется к вечной вершине
Под громким и нежным названием — Бог.

* * *

Где ты, которого душа,
Не видя, сильно полюбила?
Ведь в высь несёт, как малыша,
Твоя невидимая сила.
И ощущая тот полёт,
Душа невольно со слезами
Расскажет всем и запоёт
От счастья новыми стихами.

* * *

Говорят, есть глаза у любви,
И они видят то, что сокрыто
Там, где слёзы текли, как ручьи,
Там, где чувство живое зарыто.
Говорят, что осенней порой
Звёзды, падая, вдруг замирают
Там, где двое, идя за звездой,
От любви неземной умирают.

* * *

Когда я смотрю на круги и квадраты,
То жизнь вспоминаю свою,

И падают звёзды и гаснут закаты,
И годы плывут по ручью.
Так горный ручей, отзвенев, убегает
И дальше журчит и звенит.
Кто я? Лишь Творец это видит и знает,
И мне иногда говорит.

* * *

Не всегда ручей находит реку,
Не всегда найдёшь себе друзей.
Только сердце шепчет человеку
Отыскать любимую скорей.
Где найти ее среди сомнений
На тропинках скользких бытия
Ту одну, с которой нет смятений,
Ту одну, с которой счастлив я.

* * *

Облетают листья, вспоминая лето,
Волосы седыми стали опадать,
Будто в песне новой или в сказке где-то
Им придётся снова молодость узнать.
Улетели птицы вместе с облаками,
Их уже не видно за крутым холмом,
Где когда-то вишни падали над нами,
Где щегол когда-то пел нам за окном.

* * *

Там, где черёмухи цвет опадал,
Травы под вечер склоняли колени,
Бегали наши влюблённые тени,
Вовсе не зная, что день угасал

Там, где черёмухи цвет опадал,
С листьями нас разметало ветрами,
Но вспоминали мы, как между нами
Розовым парусом месяц всплывал
Там, где черёмухи цвет опадал.

* * *

Пока цветут деревья
И день сменяет ночь,
Пока, не охладев я,
Могу другим помочь
Увидеть в том, что было —
Ростки грядущих дней,
Чтоб сердце не забыло
Любить других сильней.
От отчего порога
Тропинки пролегли,
Одна ведёт до Бога,
Другие — вглубь земли.
Стою на раздорожье,
Где опадает цвет,
Но с лепестками тоже
Закат мой иль рассвет?

* * *

Если ты учишь других, не учась,
Если душе твоей холодно летом,
Значит слова, что ты молвишь сейчас,
Вряд ли взволнуют кого-то из нас,
Просто напомнят о том и об этом.

* * *

Во мне два сердца вечно бьются,
В одном — желания бурлят,

В другом — потоки тихо льются
И в высь с надеждой глядят.
И в той борьбе бескомпромиссной
Я то взлетаю в синеву,
То, словно лист широколистный,
Беззвучно падаю в траву.

* * *

«Я Змея, и все меня боятся,
Даже Лев обходит стороной»,
Но Орел не стал с ней пререкаться,
Съев Змею со всей ее родней.
Вывод здесь найти совсем не сложно —
Не хвались ни силой, ни красотой,
Потому что в жизни все возможно —
Даже звезды падают порой.

* * *

Ты со мной или рядом?
Ты мой Друг или враг,
Что ласкает лишь взглядом,
Но толкает в овраг?
Ты со мной или только
Вместе пьём и едим
И постольку поскольку
О делах говорим?
Ты со мной или где-то
Вновь сидишь у друзей,
Заплутав, словно лето,
Среди дней и ночей?
Вот метели зимою,
Всё покрыв белизной,
Дали шанс быть с тобою,
Ну, а ты? Ты со мной?

* * *

Птицы летят и щебечут,
Рыбы плывут и молчат,
Мудрые мысли излечат,
Глупые — бездной грозят.
Мы, излечившись от раны,
В небе летим голубом,
Кто-то — в далёкие страны,
Кто-то — в разрушенный дом.
И по дороге общаясь,
Мы обещаем порой
То ли смеясь, то ли каясь,
Быть лишь самими собой.

* * *

Где-то брезжит рассвет,
Зацепившись за алый утёс,
Крайне нужен ответ
На один очень важный вопрос –
По какому пути
Мне пройти среди сотен дорог,
Чтобы Бога найти,
Чтобы радовать Бога я смог?

* * *

Как жизнь коротка... день за днём пролетает
И некогда встретить родных и друзей,
Но если родной человек умирает,
Мы всё оставляем на несколько дней.
Хотя мы бываем горды и капризны,
Но ради родни мы стремимся успеть
На час похорон, на поминки и тризны,

На то, что окутала тайною смерть.
Нужны ли усопшим такие мотивы?
Не лучше ли нам все дела отложить
И больше общаться, пока ещё живы,
Пока ещё можем друг друга любить.

* * *

Было... мне, кажется, было...
Было и всё занесло...
Белым поля устелило
И в никуда унесло...

* * *

Поле васильковое
Углубилось в лес...
В старом зреет новое —
Целый мир чудес.
Мир, где всё меняется
Прямо на глазах,
Мир, где грешник кается
О своих грехах.
Чёрное, лиловое...
Дар увидеть в том
Поле васильковое
И родимый дом.

* * *

С годами обрели мы опыт,
Но стал ли кто-нибудь мудрей,
Искоренив из сердца ропот
И не теряя зря друзей.
С годами обрели мы знанья,

Но кто сумел преодолеть
Печаль и горечь от страданья
И победить навеки смерть.
С годами обрели мы с вами
Какой-то внутренний покой —
То, что не высказать словами,
То, что не выразить строкой.
Когда бессилён звонкий слог,
Есть тот, кто может всё — есть Бог!

* * *

Зеркала... Искажения линий и цвета,
Я уже постарел, и всё больше морщин...
Тлеет плоть, и зимой больше хочется лета,
И ты видишь, что ты в этой жизни один.
Есть друзья и враги, были взлёты, паденья,
В мире разных проблем среди тысяч дорог
Разрешились давно все былые сомненья,
Потому что есть Бог, потому что есть Бог.

* * *

Раньше были гусли, а потом гармонь,
И мы пели всюду гимны и баллады.
И нас нёс сквозь время белогривый конь
Через степи скифов и поля Эллады.
Мы вошли галопом в двадцать первый век —
Танки, самолёты, пушки и гранаты, —
Чтобы в человеке умер Человек
И кровавым заревом обагрил закаты.

* * *

Лес за окном и в преддверии мая
Пчёлы гудят над травой,

Вот и жасмин, белизной обрастая,
В гости зовёт нас с тобой.
Выйдем и сядем, укрывшись ветвями,
И позабыв обо всём,
Будем смотреть, как зажгутся над нами
Звёзды нетленным огнём.
Время пройдет, и изменятся дали,
Но никогда не забыть,
Как мы в тот вечер с тобой обещали
Вечно друг друга любить.

* * *

На старой дороге у ветхой могилы,
Где вместе когда-то с тобою мы были,
Мы молча сидели и песни слагали
От удали сердца и горькой печали...
Но дни пролетели, и нас разметало,
И старость подкралась, и холодно стало...
Но тянет меня посмотреть, где с тобою
Клялись мы в любви под вишнёвой луною...
Но нет ни тебя, ни могилы у края,
Одна лишь дорога да пыль полевая,
Да мысли о том, что прошло и что было,
Да сердце, что вновь отчего-то заныло.

* * *

За окном могилы — звёзды да кресты...
Кто-то жил и умер, не свершив мечты,
И никто не помнит тех, кто раньше жил,
Радовался жизни, бегал и любил...
Вот и я старею... что с собой несу,
Тихо угасая, как закат в лесу?
Улетают птицы в дальние края...
Вот и я сегодня... вот и я... и я...

* * *

Лунная дорожка, бурые поля,
Набежала тучка, звёзды закрывая.
Мне сегодня грустно и печален я,
Видя, как куда-то улетает стая.
Годы разметали всех моих друзей...
В гости не хожу я и не приглашаю...
Грусть уединяет и пьянит сильней...
Вот и я со стаей тоже улетаю...

* * *

Как вино, отшумев, отыграло
И как свет превращается в тьму,
Так и в жизни всему есть начало,
И, пожалуй, конец есть всему.
Но пока ещё мы на дороге —
Кто бежит, кто идёт, кто ползёт —
Мысль о цели и праведном Боге
Силу нам на пути придаёт.
И уже не пустые желанья —
Всё успеть, всё иметь, всё познать —
А любовь, что не ищет признанья,
Будет всем и во всём угождать.
И как мать улыбается сыну
Может тихо ему говорить:
«Я тебя никогда не покину,
Я тебя будуечно любить...»
Но меняются время и нравы,
Мы уйдём, а другие придут...
И деревья, кусты или травы,
Прорастая, опять расцветут.
Но идя к Всемогущему Богу,
Видя милость Христа и Отца,
Выйдем мы на такую дорогу,
Где в начале не будет конца.

* * *

Как легко потерять то, что Богом дано —
Одинокую грусть для раздумий —
И увидеть себя в черно-белом кино
Среди ветхих развалин и мумий.
Но когда мы теряем здоровье, друзей...
И уже не вернуть то, что было,
Я пишу, чтобы грусть отошла поскорей,
Чтобы сердце, тоскуя, не ныло.

* * *

Вот и жизнь... моя жизнь пролетела,
Незаметно увяла весна.
Голова от забот полысела,
Но умнее не стала она.
И хотя я совсем по-другому
Поступаю на склоне годов,
Всё же тянет к отцовскому дому,
Где я всё понимаю без слов.
И хотя я от чувств не пылаю,
Но влечёт меня также звезда —
Я опять от себя убегаю,
Но пока неизвестно куда...

* * *

Будет лето, ещё будет лето,
Если мы до него доживём...
Что-то в сердце зимою задето,
И декабрь закружил с январём.
Неизвестность... стою на дороге...
Но куда мне идти без Творца?
Закричала сорока в тревоге,
И кричит воронья без конца...

* * *

Опустела под вечер дорога,
Потускнели сады и поля,
Время сердцу раскрыться для Бога
И излить своё горькое «я».
Время снова подумать о главном,
Заглянуть в закоулки души,
И всё тайное станет вдруг явным...
Помолись... подожди... не спеши...

* * *

Опустела улица...
На краю межи,
Заблудившись, курица
Бегаёт во ржи.

И в ветвях черешника
Плачет соловей
О кручине грешника,
О судьбе моей.

Выйди босоногою,
Посидим у хат...
Над пустой дорогою
Отпылал закат.

* * *

Надломлена жизнь от изъяна —
Гулянки, загулы, друзья.
В гранёном проёме стакана
Угасла надежда моя.

Глаза, что когда-то горели
И в даль устремляли свой взгляд
От жизни хмельной потускнели,
Лишь слёзы, как прежде, блестят.

* * *

Отзвучали мелодии лета,
И багрянец окрасил листву,
И плоды ярко-красного цвета
Мягко падали с яблонь в траву.
Не пылится дорога лесная,
Меньше птиц, только дятел опять
Всё стучит, тишину нарушая,
Будто хочет мне что-то сказать.

* * *

Отгулялось, отшумелось, отжилося...
Думал, всё уже изведаль и узнал,
Но куда иду, не знаю, на авось?
Шёл один я и пришёл вот на вокзал.
Сяду в поезд и поеду хоть куда,
В жизни всякое случается порой.
От себя не убежать мне в никуда...
Разве к Богу... без сумы или с сумой.

* * *

Ты живёшь без царя в голове:
То смеёшься, рыдая, то плачешь,
Как кузнечик в высокой траве
Всё куда-то бессмысленно скачешь.
Дни летят... высыхает трава,
Меньше нежных и пылких желаний,

И уже различаешь едва
Красоту цветowych сочетаний.
На распутьях уборов и грёз,
В час глубоких раздумий о прошлом
Нам нельзя обходиться без слёз,
Не мечтать о почти невозможном.

* * *

Белые кони... красные кони...
Ветер выводит их всех из лесов,
Словно спасая стада от погони
Стаи голодных и лютых волков.
Время приходит и время проходит...
Разве сумеешь его задержать?
Вот и звезда в бесконечности бродит
И продолжает в паденье сверкать.
Так человек, что материей тленной
Дивно окутан для вечной любви,
Вновь улетит на подмостки Вселенной
И на круги возвратится свои.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
----------------	---

I. ПРОЗА

Мои родители

Разговор в морге	9
Дальнейшие сложности	11
Детство мамы	12
Павел Постышев.....	13
Сестра и брат.....	14
Неожиданное решение вопроса	14
Мои детские годы.....	15
Начало войны	16
Оккупация.....	17
Освобождение	18
После войны	19
Взрыв снаряда.....	21
Переезд в новый дом	24
Время заключения	28
Математические расчёты	30
Ссылка	30
Послесловие	31

Эрна

Начало жизни	34
Погром	34

Новая жизнь	36
Замужество	38
Предложение учиться.....	39
Аресты 1934, 1938 года.....	40
Выезд из Ленинграда в ссылку.....	42
Приезд матери и её смерть	43
Переезд в город Шадринск.....	43
Переезд в Казахстан.....	45
Предложение работать в Арыкбалыкском Госбанке	47
Увольнение с работы.....	47
Переход в Красноярское отделение Госбанка.....	48
Покупка и продажа домов.....	50
Заключение.....	50
Оскар	
В местах лишения свободы.....	53
Проигрыш в карты.....	54
Порт Ванино	55
Чукотка.....	55
Проверка глухоты	57
Работа	58
Возвращение в Крым.....	59
Германия	60
Виктор	62

II. ПОЭЗИЯ

«Три срока... два побега...»	77
«Двенадцать лет... немалый срок...».....	79
«Я с криком родился, но молча уйду...».....	80
«Таёт жизнь моя, как снег...»	80

«Жребий брошен. Убегаю...».....	81
«Давали хлеб с червями есть...»	81
«Когда я родился, то начал кричать...».....	82
«Пока я сидел, отошла моя мать...».....	83
«Зачем смотреть в окно чужое...»	84
«Меня жара лишает силы...»	84
«Меня жара лишает силы...»	85
«Два голубя вместе влюбились в голубку...».....	85
«Не грусть меня к себе звала...»	85
«Время быстротечно, словно облака...»	86
«Я был побит. Пришел домой...».....	86
«Зачем всю жизнь копал куда-то...»	87
«Я жил среди Волков и Змей...»	88
«Я пишу, моя подруга...».....	88
«Падает дождь. Я сижу у окна...»	89
«Я не тот, кто был вчера...».....	89
«Когда уже пуста дорога...»	89
«Я взвешен на весах...».....	90
«Каркнула ворона, полетев куда-то...»	91
«Чему бы грабли ни учили...».....	91
«Хотел запеть, да горло захрипело...».....	91
«Губы исцелованы и измята грудь...».....	92
«Я стою у холма с наклоненной плитой...»	92
«Сорок лет тому назад...».....	93
«Ты никогда не сможешь быть моей...»	93
«Идя по дороге подъемов и спадов...»	93
«Кто-то имеет свой дом...».....	94
«Малинового зарева не видел я давно...».....	94
«Я Никто и звать меня Никак...».....	94
«Почти то же, но не то же...»	95
«Моя звезда невольно угасает...»	95

«Не спорьте попусту с Ослами...»	96
«Одинокость меня погубила...»	96
«Облако застыло над крутым холмом...»	97
«Я хотел написать о любви безраздельной...»	98
«Когда печаль вернется снова...»	98
«Бежевым покрыты горы и поля...»	98
«Взлетал я с облаками...»	99
«Украсила небо гряда облаков...»	99
«Разукрасилась деревня...»	99
«Когда вернусь домой не страшным инвалидом...»	100
«Чем живы, тем богаты...»	100
«Любовь не костер, все же может остынуть...»	101
«Проходит день, а нечего припомнить...»	101
«Пора... Не знаю что и как...»	102
«Туман. Лишь иногда вороны...»	102
«Глухая ночь и пахнет всюду мятой...»	103
«Все заросло на могиле...»	103
«Когда ты споткнулся, упал и лежишь...»	103
«Много написано — сказано мало...»	104
«Убежал бы давно, только силы уже маловато...»	104
«Сердце и Разум не знают покоя...»	104
«Во мне два сердца вечно бьются...»	105
«Когда тепло уходит и осень за окном...»	105
«Я верю и я знаю...»	105
«Война не кончалась... все длилась и длилась...»	106
«Сегодня в гости Глупость приходила...»	107
«Если ты учишь других, не учась...»	107
«Удар судьбы всегда опасен...»	107
«Раны заживают, шрамы остаются...»	108
«Мои мечты, как облака...»	108
«Отсидел... И вот я выхожу...»	109

«С печалью смотрю в уходящую даль...».....	109
«На что я трачу жизнь свою...»	110
«Уходит жизнь, не говоря: “Прощай!” ...».....	110
«Белые горы. Цветет алыча...».....	111
«На старых могилах ни звезд, ни крестов...»	111
«До последних минут я на пир приглашал...»	111
«Плотва с челобитною вышла до Щуки...»	112
«Без меня меня женили...»	112
«Отгорела осень желтым переливом...».....	113
«Что-то грустно мне вновь, и печаль неземная...»	113
«Опускаю шторы.....».....	113
«Я шёл беззаботно и в небо смотрел...».....	114
«Спотыкаемся мы не о горы и скалы...»	114
«Надгробные камни смущают меня...»	115
«Какой бы ни был разговор...»	115
«В разгаре июль. Запылилась дорога...».....	115
«Не говори ни “да”, ни “нет” ...»	116
«Ночь. Зима. Поля под снегом...»	117
«Две лестницы вели на гору...»	117
«Вновь жизнь и смерть стоят у дома...»	118
«Туман окутал дали...»	118
«Будет лето... еще будет лето...».....	119
«Среди холмов, где вверх стремятся ели...»	119
«Не опишу стихами.....».....	120
«Я не хочу быть самым главным...»	121
«Давно прошла весна, и осень на исходе...»	121
«В осиновом лесу иль в захудалой роще...»	122
«Не спится... Сон куда-то делся...»	122
«Ветер затих, и закат отгорел...»	123
«Ночь... опять я один и сижу на постели.....».....	123
«Опять не та — пуста дорога...».....	124

«Время прошло... были кони и сабли...»	124
«Всё в этом мире непрочно и тленно...»	125
«Мне давно уже не снилось...»	125
«Вечер опустился, звёзды запылали...»	126
«Всё, что знаю, имею...»	126
«Серебряный дождь и багровые дали...»	127
«Листва пожелтела, морозы настали...»	127
«Разгулялся ветер на созревшем поле...»	127
«Рука в руке, а кажется весь мир...»	128
«Мне кажется, кто-то стучится в окно...»	128
«Где та, которую любил я...»	129
«Если время придёт полюбить...»	129
«Кто ты, которого люблю я...»	130
«Расцвела черешня возле старых ив...»	130
«Куда приведёт меня эта дорожка...»	131
«Где ты, которого душа...»	131
«Говорят, есть глаза у любви...»	131
«Когда я смотрю на круги и квадраты...»	131
«Не всегда ручей находит реку...»	132
«Облетают листья, вспоминая лето...»	132
«Там, где черёмухи цвет опадал...»	132
«Пока цветут деревья	133
«Если ты учишь других, не учась...»	133
«Во мне два сердца вечно бьются...»	133
«Я Змея, и все меня боятся...»	134
«Ты со мной или рядом?	134
«Птицы летят и щебечут...»	135
«Где-то брезжит рассвет...»	135
«Как жизнь коротка... день за днём пролетает...»	135
«Было... мне, кажется, было...»	136
«Поле васильковое...»	136

«С годами обрели мы опыт...».....	136
«Зеркала... Искажения линий и цвета...»	137
«Раньше были гусли, а потом гармонь...»	137
«Лес за окном и в преддверии мая...»	137
«Вот и жасмин, белизной обрастая...»	138
«В гости зовёт нас с тобой...».....	138
«Выйдем и сядем, укрывшись ветвями...»	138
«И позабыв обо всём...».....	138
«Будем смотреть, как зажгутся над нами...».....	138
«Звёзды нетленным огнём...»	138
«Время пройдет, и изменятся дали...».....	138
«Но никогда не забыть...».....	138
«Как мы в тот вечер с тобой обещали...»	138
«Вечно друг друга любить...».	138
«На старой дороге у ветхой могилы...»	138
«Где вместе когда-то с тобою мы были...».....	138
«Мы молча сидели и песни слагали...».....	138
«От удали сердца и горькой печали...»	138
«Но дни пролетели, и нас разметало...».....	138
«И старость подкралась, и холодно стало...»... ..	138
«Но тянет меня посмотреть, где с тобою...».....	138
«Клялись мы в любви под вишнёвой луною...»... ..	138
«Но нет ни тебя, ни могилы у края...».....	138
«Одна лишь дорога да пыль полевая...»	138
«Да мысли о том, что прошло и что было...».....	138
«Да сердце, что вновь отчего-то заныло...».....	138
«За окном могилы — звёзды да кресты...»... ..	138
«Лунная дорожка, бурые поля...»	139
«Как вино, отшумев, отыграло...»	139
«Как легко потерять то, что Богом дано...»	140
«Вот и жизнь... моя жизнь пролетела...».....	140

«Будет лето, ещё будет лето...»	140
«Опустела под вечер дорога...».....	141
«Опустела улица...»	141
«Надломлена жизнь от изъяна...».....	141
«Отзвучали мелодии лета...»	142
«Отгулялось, отшумелось, отжилося...»	142
«Ты живёшь без царя в голове...»	1412
«Белые кони... красные кони...»	1413

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Толя ДИКИЙ

ОТ СУМЫ
И ОТ ТЮРЬМЫ...

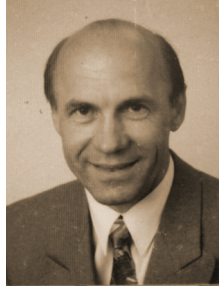
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 100 прим. Зам. № 7257
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 9,5
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 12.09.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

АНАТОЛИЙ ДИКИЙ родился в Киеве в 1948 году в типично советской семье. Жили бедно, поэтому с 16 лет Анатолий начал работать вначале токарем, а после электрослесарем. Во время учебы в вузе занимался электрофизиологией. Работал научным сотрудником в одном из Киевских медицинских НИИ. Был осужден и возвратился из сибирской ссылки в конце 1988 года. Реабилитирован. Много писал и путешествовал, посетил десятки стран. В настоящее время живет в Румынии.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

9 786178 477257